

АНТОН КУН

ИГОРЬ АН

ШАНСЫ ДЛЯ РОДА
УСТОЙЧИВЫХ
Том 3

Шанс

Игорь Ан

Шанс для рода Шустовых. Том 3

«Автор»

2024

Ан И.

Шанс для рода Шустовых. Том 3 / И. Ан — «Автор»,
2024 — (Шанс)

Я выиграл бой и проиграл жизнь. Теперь, в новом мире я стал шансом на выживание целого рода! И не только рода, но и России. Моя фамилия теперь – Шустов. Мой дух-покровитель – Шанс. Всё, что я умею – драться. И если нужно, то не на жизнь, а на смерть! И будьте уверены, свой шанс на новую жизнь я не упущу!

© Ан И., 2024

© Автор, 2024

Содержание

Глава первая	5
Глава вторая	10
Глава третья	17
Глава четвертая	22
Глава пятая	28
Глава шестая	33
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Антон Кун, Игорь Ан

Шанс для рода Шустовых. Том 3

Глава первая

Жизнь в деревне для меня всегда ассоциировалась с несколькими вещами. Во-первых, отсутствие «звуков большого города». Во-вторых, запахи. В деревне всегда пахнет навозом, животными, силосом или скошенной травой. Эти запахи преследуют горожанина, изредка выбирающегося на малую родину, постоянно. Где-то они сильнее, так что свербит в носу, где-то их присутствие уступает место чему-то другому.

Например, подходя утром к бабушкиному дому, я всегда чувствовал запах свежего хлеба. Когда уходил на рыбалку, чуть засветло, пахло выхоженным тестом, а по возвращении уже хлебом. Она пекла его в русской печи, и он получался мягким, круглым и ароматным.

На задворках огорода всегда пахло перегноем и гнилью, особенно осенью. А на соседней улице был стойкий аромат свиней. Эти огромные вечно грязные туши валялись в подсыхающей луже с утра до вечера. Видимо, им регулярно подливали воды, чтобы грязь не пересыхала. Там, лишь изредка, удавалось свободно вдохнуть полной грудью. Когда ветер проносился вдоль улицы обновляя застоявшийся воздух.

В коровнике тоже были специфические запахи, но больше всего мне нравился запах парного молока, хотя и к навозу можно было привыкнуть.

Для меня самый страшный запах – это запах куриного помета. Уж не знаю почему, но я его с детства не переносил. Ладно еще, когда курицы весь день гадили на улице, заходя в стайку только на ночь, но вот когда у бабушки появились бройлеры... Эти, перекормленные до состояния индюшек бугаи, не хотели видеть ничего кроме еды и своих клеток. Сидели там постоянно, даже когда им открывали дверцы, выпуская на улицу. Вот там запах был ужасный.

Ну, и наконец, в-третьих, в деревне было чистое звездное небо. Может городской засветки не было, а может пыли меньше. Хотя не сказал бы, что пыли не было совсем. Во время посевной и уборочной она летела с полей так, что собаки покрывались толстым ее слоем за день. По крайней мере те, которые целый день лениво лежали в тени, поднимая морду лишь затем, чтобы глотнуть воды из стоящей рядом миски.

Из всего перечисленного в моем Красилово были только первое и последнее. С одной стороны меня это радовало, а с другой было как-то странно.

Нет, птицу некоторые держали, но не многие. А уж шумового загрязнения тут и вовсе быть не могло. Неиндустриальное общество еще не научилось шуметь.

Деревенских запахов в Красилово почти не было, не пахло навозом, не было дурманящего запаха травы, разве что лесом пахло.

В общем, мои впечатления от этой деревушки были примерно такие же, как от нарисованного поселения в какой-нибудь из компьютерных игр. Будто она не настоящая что ли. Нет не так. Будто это не деревня.

Если честно, то пару раз ловил себя на том, что начинал подумывать а не в игре ли я нахожусь. Нет, так можно очень далеко зайти в подобных размышлениях. Но вспоминая об успехах виртуальной реальности в моем старом мире, иногда казалось, что это возможно.

Солипсизм никогда не был моей любимой теорией во время студенческих диспутов, но, кажется, в данном случае, многое можно было бы с помощью него объяснить. И мои успехи, и магические способности, да и вообще устройство мира. Но вот в чем беда. Так можно сказать о любом мире. И доказать обратное невозможно. Нет шанса подтвердить, существования объективной реальности. На этом вопросе многие сломали не только копья, но и мозги.

Я же для себя еще тогда решил, что объективная реальность существует, и все что меня окружает ей и является. Так что всю идею с солипсизмом, а в данном случае с виртуальной реальностью я отмел начисто.

Если не понятно, где явь, а где глюки, относись ко всему, как к яви, точно не пропадешь.

Вот и я относился к своей новой жизни, как к полностью реальной. Даже несмотря на удивительные вещи, происходящие вокруг меня.

После разговора с Анфисой Петровной я впал в какое-то взвинченное состояние. С одной стороны, я очень устал и мозг практически отключался, требуя своего законного отдыха. С другой, голова работала в каком-то странном режиме, когда любая мысль кажется умной и чувствуешь себя гением уровня Эйнштейна. К сожалению, я бывал и раньше в подобных состояниях, особенно при недосыпе. И прекрасно помнил, какими банальными кажутся эти гениальные мысли на утро.

Мне хотелось идти и прямо сейчас разбираться с артефактами. И с теми, что у меня были от Корсакова, и с ножом, созданным мной накануне, и с куском гранита, что мне удалось найти в секретном схроне отца, расположенным в мире духов.

Я сам не заметил, как дошел до своей комнаты и тупо уперся лбом в дверь. Не раздумывая, стукнул головой в створку, в тот момент, это показалось мне самым разумным решением, и стал ждать результата.

Интересно, если бы уперся головой в дверь, упал бы я, когда ее распахнула Настя?

Узнать это мне не удалось, так как я просто стоял и покачивался у самого входа, будто зомби.

Настя что-то сказала, но я даже не понял что.

Девушка удивленно на меня уставилась, затем протянула руку, взяла меня за локоть и завела в комнату.

Я попытался было пройти в ванну, и умыться, но присел на кровать и понял, что больше не смогу с нее встать.

Неужели, приобретение нового духа-покровителя меня так вымотало?

Я еще помнил, как Настя раздевала меня и укладывала в постель, но эротики в этих действиях было очень мало.

– Спасибо, – едва шевеля губами, пробормотал я и вырубился.

Утро мне показалось каким-то серым. Может от того, что шторы были плотно задернуты или может просто не смог продрать глаза.

Просыпался я очень медленно. Временами вновь проваливаясь в сон, отчего в голове все смешалось и в какой-то момент я не мог разобрать, когда сплю, а когда бодрствую.

Я ворочался и слышал недовольные бурчания Насти по этому поводу. Развернувшись, я вытянул руку и приобнял ее, прижал к себе горячим боком и стал нежно поглаживать. Настя фыркнула, чихнула и принялась вырываться. Это еще что за новости?

– Я твой повелитель и любовник, а ты моя женщина и должна слушаться! – как мог строго, сонным голосом произнес я.

Настя промолчала, зато поцеловала меня в нос. Ну ладно, хоть так. Засчитаем за согласие.

Быстро подбодрев, но все еще не полностью проснувшись, я снова обнял девушку и прижал к себе покрепче. И получил в пах...

Глаза вопреки моей воле распахнулись и беззвучный крик перешел в хрип.

Прямо передо мной были огромные карие глаза Пружинки. Собака пыталась отодвинуться от меня, выгибаясь и брыкаясь. Я еще раз получил пинок ниже живота и только сейчас сообразил, что обнимаю щенка, прижимая к себе.

Я ослабил хватку, и Пружинка тут же успокоилась. Вывернулась и поднялась на лапы, немного пошатываясь. Стоять на мягкой перине были неудобно. Собака наклонилась к моему лицу и лизнула в нос.

Черт! Вот значит, как выглядел «поцелуй Насти» на самом деле.

Я отодвинул наглуемую морду подальше и осмотрелся. В комнате никого кроме нас с Пружинкой не было. Настя видимо уже ушла, а вот как собака забралась ко мне в постель я не представляю. Я никогда не позволял ей запрыгивать на кровать.

Возможно, Петя разрешал ей делать это, вот она и залезла. Надо будет поговорить с ним, чтобы был с Пружинкой поосторожнее.

Я улыбнулся, окончательно проснувшись.

Щенок так и топтался рядом, не торопясь спускаться вниз. Я аккуратно поднял её и поставил на пол. Пружинка за эти дни порядком набрала в весе и заметно подросла.

Собака требовала внимания, и начала тыкаться носом в ноги, не желая отпускать меня в ванную. Пришлось присесть на пол и поиграть с ней немного.

Рядом с кроватью лежали крипотки, это что-то близкое к носкам, по сути, но немного отличающееся по форме. Такие штуки носили в основном женщины, но мне они заменили обычные носки, носить портянки для меня было непривычно.

Я завязал носок-крипотку узлом и отдал Пружинке. Щенок принялся к неизвестному предмету, подозрительно лизнул его, а затем схватил зубами и принялся тянуть на себя.

Это мне и требовалось. Я узелок не отпускал, а только дергал то вправо, то влево, заставляя собаку бегать за ним через мои вытянутые ноги. Затем забрал у Пружинки игрушку и кинул его к двери. Щенок пулей рванул за узлом, схватил его и притащил обратно. Мол давай, кидай еще. Делать нечего, пришлось кидать. Мы играли несколько минут, пока мне в очередной раз не удалось забрать игрушку у Пружинки и кинуть её в сторону двери.

В этот миг дверь отворилась и на пороге появилась Настя, держа тяжелый поднос, сервированный завтраком. Пружинка уже, порядком разогнавшись, не успела затормозить и влетела прямо под ноги девушке.

Настя вскрикнула от неожиданности и подпрыгнула с подносом в руках. Как только не уронила.

Собака тоже не ожидала такой подставы и принялась на ходу разворачиваться, буксуя лапами по деревянному полу.

Я видел всё это, словно в замедленном кино. И никаких часов Терехова не нужно. Вот Настя подпрыгивает, Пружинка оказывается прямо под ней, начинает тормозить и разворачиваться. Мимоходом хватая узелок, и довольная начинает ломиться обратно. В этот момент Настя приземляется и наступает на длинный хвостик собаки, та взвизгивает и рвется в мою сторону. Девушка, осознав, что произошло, пытается тут же убрать ногу с хвоста и начинает заваливаться на бок, пытаясь удержать и поднос, и равновесие одновременно.

Хорошо, что я начал двигаться, как только понял, что катастрофа неизбежна. В самый последний момент я дотянулся и подхватил Настю, не дав ей упасть.

С подноса слетел кусок вареного мяса и шлёпнулся на пол. Эта игрушка показалась Пружинке поинтересней моего носка, завязанного в узел, и она моментально переключилась на него. Схватила и шмыгнула в открытую дверь. Только ее и видели.

Я забрал у Насти поднос и позволил себе расслабиться и рассмеяться.

Настя тоже улыбнулась и через секунду смеялась вместе со мной.

Мы закрыли дверь в комнату и позавтракали. Правда белков в нашем утреннем рационе было маловато, зато Пружинка наверняка была очень довольна. Потому что через несколько минут, когда я вышел из комнаты, она лежала на спине, задрав лапы кверху и довольно облизывалась.

Я наклонился и потрепал псину по пузу.

Настя осталась заниматься своими делами, а я отправился к Анфисе Петровне, прихватив с собой часы и записку из схрона отца. Я надеялся, что мадам отдохнув, сможет поговорить со мной и объяснить некоторые вещи.

Подойдя к дому, где жила Анфиса Петровна, я наткнулся на Афоню. Телохранитель мадам бдел.

Поздоровавшись со мной, он спросил, по делу я или так. Можно подумать мой ответ что-то изменил бы. Я ответил, что по дулу, и охранник, важно кивнув, пропустил меня.

Дверь была не заперта. Я толкнул ее и одновременно постучал.

– Входите, – послышался бодрый голос мадам из комнаты.

– Анфиса Петровна, это я.

– Я поняла, Никита Васильевич, проходите.

– Вы замечательно выглядите, – сделал я комплимент женщине, сидящей перед небольшим зеркальцем и приводящей себя в порядок.

– Спасибо! – улыбнувшись, произнесла мадам. – Женщине всегда приятны комплименты, так что можете смело ими пользоваться в моем присутствии.

– Учту, – усмехнувшись сказал я.

– Вы верно хотите поговорить со мной о вещичках?

– Да, хотелось бы.

– Я готова. Все что могу расскажу.

– Давайте начнем с часов, – предложил я. – Как они к вам попали, я уже понял. И то, что вы не знали, что в них заточен тот осколок, который до этого был в монете тоже.

Мадам кивала, соглашаясь с моими словами.

– Мне интересно, что сказал вам осколок, когда еще был монетой о том, как его заставить проявить свои свойства.

– Они порой очень странно изъясняются, – произнесла мадам. – Но конкретно этот рассказал все довольно четко. Чтобы он начал работать, его нужно коснуться и произнести определенную фразу.

Я кивнул, продолжая внимательно слушать.

– Как я понимаю, Дементий Васильевич не успел вам рассказать, что это за фраза?

– К сожалению нет.

– Это что-то вроде заклинания, – попыталась объяснить мне Анфиса Петровна. – Жизнь невозможно повернуть назад, и время не на миг не остановишь. Это все.

Я чуть не поперхнулся, услышав это. Хорошо, что хоть о стенку опирался во время разговора, а то бы упал.

У меня не было подобной реакции на слова из записки. Возможно потому, что с гранитным камешком пока были всего лишь догадки. А сами слова туманны и не факт, что я окажусь прав, но тут... Точнее и ближе к тексту просто некуда.

– И что с этим заклинанием нужно сделать? Спеть его часам?

– Спеть? – Анфиса Петровна выглядела очень удивленной.

А я уже подумал, что она знает о чем речь. Хотя как такое было возможно сам не понимал.

Я неуверенно пожал плечами.

– Просто предположение.

– Думаю, достаточно просто сказать их вслух или шепотом. Даже не знаю, но мне кажется, что Дементий Васильевич вряд ли поет своим часам. Точнее пел, – поправила мадам.

Да уж. Было бы хорошо обойтись без пения. Я, конечно, не считал себя совсем уж тугим на ухо. В караоке с друзьями петь доводилось. Но и одаренным певцом я не был.

– Анфиса Петровна, а что насчет этой записки?

Я протянул листок бумаги.

Мадам долго на нее смотрела, но было видно, что она её даже не читает. Может наизусть помнила, а может быть просто задумалась.

– Тут всё, что я смогла понять из невнятного бормотания, – наконец произнесла мадам.

– Там было что-то еще? – поинтересовался я.

– Да, там много чего было, да только всё непонятное. Точнее неразборчивое. Эти то слова едва понять смогла.

– А вы не знаете откуда у отца этот булыжник?

– Булыжник? – переспросила Анфиса Петровна.

– Ну камень этот с осколком духа.

– Ах это, – мадам усмехнулась. – Нет не в курсе. Вроде как с Урала привез. Нашел может. Вообще, говорят, там много древних духов, кто от своих скрывается. Ты лучше об этом своего духа-покровителя спроси. Или подружку.

– Настю?

– Её. Девчонка она боевая. Хотела в Китай пробираться в одиночку, но вроде как дальше Урала не ушла. Вернулась.

– Спасибо за совет, – поблагодарил я Анфису Петровну. – А кстати, о каком именно духе вы говорите?

Мадам снова непонимающе на меня взглянула. И я понял, что она ведь не в курсе о втором покровителе, точнее покровительнице. Осталось решить говорить ей или нет. Если да, то момент подходящий. Я решил сказать.

– Дело в том, что теперь я стал главой рода не только Восьмого духа, но и духа северо-восточного ветра. Мой второй покровитель – Посива.

– Вот как... – задумчиво произнесла мадам. – Всё интересней на свете жить становится. Когда такое происходит рядом с тобой, думаешь: «Какого черта, ты тут делаешь? У людей что-то случается, а у тебя все как прежде»

– Так ведь это хорошо, когда стабильность! Разве нет?

– Хорошо – это когда у тебя всё стабильно замечательно, а не когда все стабильно скучно.

– Поверьте, Анфиса Петровна, скучать вам со мной точно не придётся, – я решил хоть немного развеселить её.

– Да уж. В этом я и не сомневаюсь. Скорее слегка побаиваюсь, – вроде бы в шутку сказала мадам, но при этом у неё был очень серьёзный вид.

– Вы не против, если я испытаю действие часов прямо сейчас? – мне не то, что не терпелось это сделать, скорее я хотел получить консультацию, не отходя от кассы, если у меня что-то не выйдет. Тем более, что примерные масштабы воздействия часов я представлял.

– Да пожалуйста.

Я отошел на всякий случай немного подальше. По моим прикидкам, так сфера остановки времен не затронет Анфисы Петровну. Достал часы, коснулся коронки и чуть повернул её, так же как это сделал Терехов перед тем, как время замерло.

– Жизнь невозможно повернуть назад, и время не на миг не остановишь, – прошептал я, неосознанно произнеся фразу на мотив песни.

Время замерло.

Глава вторая

Время замерло.

Сильно выцветшая версия Анфисы Петровны застыла где-то не самой границе сферы. Интересно, что было бы, окажись она внутри? Могут ли простые люди находится здесь? Мне не хотелось рисковать кем-то чтобы это проверить. Но Терехов уже не сможет ответить на мой вопрос. Единственный вариант узнать – это спросить у кого-то из духов. Шанс наверняка смог бы ответить. А как на счет Посивы?

– Эй! – позвал я.

В принципе я не ожидал, что она мне ответит. Я уже понял, что Шанс делает это только почуяв кровь. Ответом мне было молчание.

Я посмотрел вверх, откуда в прошлый раз спустилась Посива, но не заметил следов разрыва. Интересно, а что нужно делать тут, чтобы добиться разрыва жгутов?

Можно, конечно, долго экспериментировать, особенно, учитывая, что время в сфере течет только для меня. В обычном мире пройдет мгновение, а я могу искать способ до посинения. Терехов именно об этом и говорил, когда жаловался мне, что заигрался со временем. Видимо, тут он провел большую часть своей жизни.

У меня не было ни желания, ни времени искать подходы к открытию врат, как их назвал Дементий Васильевич.

Я сосредоточился и материализовал бердыш, которым в прошлый раз рассек жгуты, позволив Шансу провалиться в наш мир.

Взмахнул фантомным оружием, представив, что режу ткань реальности, я рассек её.

С той стороны снова клубился туман.

– Эй! Серая! Посива, ты здесь?

Тишина.

Но я заметил, какое-то движение в глубине.

Движение пропало, но никто так и не появился.

Чёрт! Может я становился нетерпеливым, а может мне просто вся эта история с поклонением духам казалась какой-то странной нелепицей. Кажется, никакого пиетета перед Посивой я не испытывал.

Нет, они, конечно, сильны, но что-то в поведении Шанса подсказывало, что со мной они ведут себя немного иначе. По крайней мере он. Про Посиву пока не знаю. Весело будет, если внучка Стрибога разозлится и сотрет меня в порошок, развеяв по ветру. Но кто не рискует, тот не рискует.

Я снова сосредоточился и создал аркан из энергетических нитей. Размахнулся и кинул его наугад в прореху. Подождал какое-то время и дернул. Кажется, так мы в детстве ловили голянов на речке. Ждать поклевки было бессмысленно, мелкая рыбешка не сможет серьезно подергать поплавок. А вот так, закинул, подождал, вытянул иногда срабатывало.

Потянув аркан на себя, я почти сразу почувствовал, что там кто-то есть. Не могу сказать, что верёвка тяжело пошла, но что-то изменилось.

Я подналег и потянул сильнее.

Из разреза в пространстве высунулась голова Шанса с веревкой на шее.

– И чего тебе теперь надо? – со вздохом произнес он.

Я немного удивился, но постарался виду не подавать.

– Вообще-то я ожидал увидеть Посиву. Тут вроде бы ее вотчина. Но могу задать свой вопрос и тебе.

– Так, кончай грубить, – недовольно произнес змей. – Ты хоть каплю крови пожертвовал, чтобы со мной говорить?

– Да сдалась тебе эта кровь? Можешь потом хоть глоток выпить, как порежусь. Тебе же она без надобности.

– Ну, – замялся Шанс, – для некоторых ритуалов она просто необходима. Так зачем Посиву хотел заарканить?

– Спросить кое-что хотел. А где она кстати?

– Да здесь я, – теперь из прорехи показалась слегка взлохмаченная голова девушки. – Чего хотел.

С этого ракурса платья на ней видно не было, только шикарные серые округлости грудей, и... мне показалось или это не самом деле бледно алые точки сосков.

– Какого черта! Вы чем там занимаетесь?

Шанс повернул огромную голову и посмотрел на девушку.

– Какая тебе разница? Мы взрослые духи, можем заниматься чем угодно. Но если уж тебе это так важно, мы общаемся. Обсуждаем проблемы нашего мира, о которых тебе пока знать не стоит. А свои сексуальные фантазии оставь при себе. Они вообще не имеют ничего общего с тем, что делают духовные сущности.

– Да пофиг, – отрезал я. – Мне нужно знать, что будет с обычным человеком попади он в эту временную аномалию?

Шанс снова глянул на Посиву. Та протянула руку и почесала носик.

– Вообще-то я не проверяла, но думаю все будет в порядке.

Я вспомнил парня в защитном коконе, которого разнесло на ошметки и вопросительно уставился на горного змея.

– А что ты на меня смотришь? Тут она хозяйка.

– Значит и тому парню было необязательно умирать? – возмутился я.

– Ты бы предпочел, чтобы он остался жить и получил мое покровительство? Или чтобы Корсаков продолжил свои эксперименты в этом направлении?

– Нет, пожалуй, – честно признался я.

– Ну так и не лезь со своим гуманизмом в чужой монастырь!

Меня опять поставили на место. Ну что тут сказать, духи...

– А что за проблемы в вашем мире? – не удержался и спросил я.

– Это тебя пока не касается. Разберись со своими, – произнес Шанс тоном, не терпящим возражений.

Голова змея исчезла, а за ним следом, глупо хихикнув пропала и Посива.

Разрез я решил оставить. Шанс говорил, что через него энергия из мира духов течет в наш мир и поморгает творить магию. Будем считать, что мне может понадобиться много силы. Раз уж энергия места силы определенного духа-покровителя идет его адепту, а не абы кому, то пусть и эта течет ко мне.

Интересно, получается, что эта сфера и есть место силы духа северо-восточного ветра. Значит Терехов много лет был лишен доступа сюда. Не удивительно, что он был таким немощным.

Я получил ответ на свой вопрос, но параллельно я получил информацию, что в мире духов не все так спокойно, как мне казалось ранее. Я вообще думал, что у них там что-то типа рая, где духи плавают и предаются неге, и лишь изредка приходят на зов своих адептов, чтобы поиздеваться над ними.

Подойдя к самому краю сферы остановки времени, я попытался шагнуть за ее пределы. Сделать это легко мне не удалось. Ощущалось сильное сопротивление, словно я пытался шагнуть в резину. Лишь приложив достаточно много усилий, я прорвал оболочку сфера и вывалился в нормальный временной поток.

Анфиса Петровна смотрела на меня чего-то ожидая.

Я глянул в ее сторону и вопросительно приподнял бровь.

– Да, ты можешь воспользоваться этим местом для экспериментов.
Повторила свое разрешение мадам. Для нее, видимо, не прошло и мгновения.
– Спасибо, я уже.

Теперь удивленно приподняла бровь Анфиса Петровна.

– Все получилось?

– Да, конечно. Все в порядке. Спасибо!

– Я рада, – произнесла мадам и улыбнулась.

– Не посмотрите на еще один артефакт? – спросил я и вытащил нож из ножен.

– А это что? – чуть удивленно спросила Анфиса Петровна.

– Тут тоже осколок духа.

– И где ты его взял?

– Создал совсем недавно.

– Создал?

Я коротко пересказал ей, что произошло и как так вышло, что осколок Шанса заточен в этом ноже.

Анфиса Петровна слушала и качала головой. А когда дошло до укорачивания хвоста горному змею, схватила за сердце. Я понадеялся, что это было не по-настоящему и продолжил.

– Вот такая вот история, – закончил я свой рассказ.

– И как он теперь? – спросила мадам.

– Да с ним все отлично!

Рассказывать про «общение» Шанса с Посивой я не стал. Чужие тайны пусть остаются чужими, а мне и своих хватит.

Анфиса Петровна аккуратно взяла нож из моих рук и положила на стол перед собой. Затем склонилась над ним и принялась, что-то нашептывать. Я мог бы напрячь слух и разобрать слова, но решил этого не делать. Чужие тайны...

Мадам какое-то время «общалась» с клинком, затем выпрямилась и покачала головой.

– И?

– Ничего, – ответила Анфиса Петровна. – Уверен, что он там?

– Должен быть. Я видел, как осколок впитался в нож.

– Значит не хочет говорить. Молчит негодник.

– И что делать?

– Да ничего, – ответила мадам. – Пока сам не захочет не заговорит. Я могу попытаться, когда останусь одна. Некоторые осколки не любят свидетелей разговора. Можешь мне его оставить?

– Конечно.

– Тогда расскажу, когда будет результат. Кстати, Иван принес хозяйственные книги и гроссбух. Я займусь ими.

– Спасибо, Анфиса Петровна, буду весьма признателен.

Больше мне тут делать было нечего, и я вышел на улицу.

Что ж, кое-что узнать удалось. Будем надеяться, Анфиса Петровна сможет разобраться с ножом.

Пока мадам занимается ножом, я решил пересчитать деньги в хранилище. Нужно знать, сколько у меня есть наличности, чтобы понимать, что можно сделать. Особенно, когда станет понятна моя бухгалтерия. И отправился искать старосту.

Старосту я нашёл, но не того.

Данила Александрович, производил впечатление благородного человека, что я заметил еще при нашей первой встрече. Я видел несколько раз, как он общался с Романом Дмитриевичем, что-то делал, руководил своими людьми, всегда здоровался со мной при встрече. Но все вопросы он мог решать самостоятельно, что делало его весьма хорошим управленцем.

Тут же мы столкнулись с ним нос к носу.

– Добрый день, Никита Васильевич, – произнес старик и низко поклонился.

– Добрый, Данила Александрович. Как разместились ваши люди? Все ли в порядке?

– Вашими стараниями, Никита Васильевич. Спасибо!

Старик снова поклонился.

– Рад, что вы нашли чем тут заняться. Не видели Романа Дмитриевича?

– Он был где-то в районе склада оружия. Там, кажется, Степан ведет занятия для новичков.

Я усмехнулся, представив нашего старосту, дерущегося на кулаках со Стёпой.

Поблагодарив Данилу Александровича, я направился в указанном направлении.

У дверей арсенала меня перехватил оружейник Кирилл. О практически насильно затаскивал меня внутрь, намереваясь показать что-то, от чего я просто упаду. Так он выразился.

Боюсь, Кирилл, такого тебе не сделать. Скорее всего, большую часть изобретений я видел, а многие из них смог бы и повторить при наличии времени. Все-таки когда знаешь в какую сторону думать, можно до многого дойти. Пусть что-то сложное я и не придумаю, но некоторые вещи, до сих пор не существующие в этом мире, сделать возможно.

Кирилл вошел первым и загородил собой что-то стоящее на столе посередине комнаты. Не помню, чтобы этот стол был тут в прошлое мое посещение арсенала.

– Это самозарядный арбалет! – гордо сообщил мне Кирилл.

– Самозарядный? – Я действительно удивился. Как любой пацан, я знал каким образом взводится возвратная пружина затвора автомата при стрельбе, что обеспечивает его самозарядность, но как может быть арбалет такой системы я не понимал.

На столе стоял обычный арбалет с прикрепленным к его нижней части барабаном. Сбоку барабана виднелась небольшая вращающаяся ручка. По периметру располагались крючки, какой-то необычной конструкции и еще вспомогательный механизм протяжки.

Кирилл подошел и повернул ручку барабана. Тетива натянулась и дойдя до предела сорвалась и скользнула по цевью. Оружейник, не переставая, вращал барабан. Крючок снова зацепил тетиву и все повторилось снова.

– Осталось придумать, как сюда подавать болты, чтобы можно было стрелять непрерывно.

Не могу сказать, что это меня удивило так, чтобы мне стоило упасть, но идея и ее реализация были отличными.

Я похвалил Кирилла за идею, но заметил, что такой бандурой воевать не слишком удобно. Носить ее тяжело, да и большой размер барабана мешает. И было бы неплохо придумать, как подавать арбалетные болты один за другим непрерывно. Идея, как сделать обойму у меня была, и я рассказал ее Кириллу. От чего парень пришел в полный восторг и умчался искать нужные материалы.

Романа Дмитриевича я нашел там, где и советовал староста Слободки. Степан обучал новичков ведению кулачного боя. Там он и был.

Я подошел и немного понаблюдал за происходящим. Степан объяснял принципы защиты. Когда требовался блок, когда стоило открыться, а когда уйти в глухую оборону. Народ внимательно слушал и внимал. Из Степана вышел отличный наставник, делал он все размеренно без суеты, а объяснял очень доходчиво.

Роман Дмитриевич заметил меня и поздоровался. Я кивнул головой в сторону, давая понять, что нужно отойти.

Староста понял мой сигнал и, выйдя из толпы, направился в мою сторону.

– Роман Дмитриевич, мне в хранилище попасть нужно. Откройте пожалуйста дверь и проследите, чтобы меня никто не беспокоил.

– Сейчас все сделаю, – ответил староста. – Только ключи принесу.

Мне тоже нужно было сходить в свою комнату. Нужно было прихватить все те богатства, что до сих пор лежали у меня на столике рядом с кроватью.

Вдруг в голове пронеслась шальная мысль, что Настя намеренно осталась в комнате чтобы забрать себе все то ценное, что было там: кучу золотых монет и неизвестные артефакты. А потом свалить из деревни.

Что это был за голос внутри? Неужели я не доверяю своей девушке?

Но голос не унимался. Он твердил, что ни один нормальный не оставит такие богатства без присмотра. Их ведь могла забрать не только Настя. В комнату мог зайти кто угодно. Например Маша, которая после инцидента, могла затаить обиду. Или Лушка, которой уж точно не помешает столько золота. А вдруг Ивану показалось мало одного артефакта, и он решил начать охотиться за ними.

Я уже ничего не понимал, что происходит, как вдруг сообразил. Голос внутреннего хомяка пересиливал голос разума. Представляю, как пришлось кричать грызуну, чтобы перекричать меня.

Усмехнувшись, я приструнил мелкого проныру и восстановил контроль над мыслями.

Войдя в комнату, я не застал Насти. В деревне я ее тоже не видел, но возможно она у Лушки. После того, как Лушка караулила тело спящей в ледяном коконе подружки, они очень сдружились. Меня это радовало. Кажется, мне удалось избежать ненужного любовного треугольника.

Я подошел к столику и обнаружил на нем шкатулку из дома Корсакова. Открыл крышку и посмотрел на содержимое. Хомяк вопил, что не хватает золотых монет, но я его не слушал. На мой взгляд все было на месте.

Прихватив коробочку с деньгами и осколками духов, я добавил к ним гранитный булыжник и пошел обратно.

Староста уже ждал меня у дверей хранилища.

Роман Дмитриевич открыл дверь и пропустил меня вперед. Затем вошел следом и сказал, что и где расположено.

Отделив имущество деревни и его жителей, староста откланялся и вышел, пообещав, что за входом присмотрят и меня никто не побеспокоит.

Я отодвинул деревенскую казну подальше в угол, чтобы внутренний зверь, уже довольно потирающий лапки, не решил её заграбастать и поднял с пола первый сундучок.

Обитый железом, добротный из твердых пород дерева, тяжелый. Так записал мой хомяк в свой розовый блокнотик.

Откинул крышку и уставился на полный сундук серебряных монет.

Тут было много. Не просто много, а очень много. Хомяк закатил глаза и грохнулся в обморок. Оно и к лучшему, спокойней смогу пересчитать имущество.

Я заканчивал раскладывать рублёвые монетки по стопкам из десяти монет каждая, когда животное очнулось и принялось подсчитывать сумму. Оказалось четыреста сорок рублей серебром.

Эта сумма показалась мне очень большой. А если учесть, сколько я зарабатывал за бой на ринге совсем недавно, так и просто огромной.

Что же творилось в крохотной головке хомяка, когда я подумал о том, что таких хранилищ у рода Шустовых было несколько? Даже представить сложно.

Я сложил монеты обратно в сундук и поставил его на место.

Поднял и поставил на стол другой сундучок. Он был поменьше и полегче. Хомяк недовольно пробурчал, что маловато будет.

Повозившись с заклинившей застежкой крышки, я откинул её и приоткрыл сундучок.

Тут лежало золото. Хомяк снова грохнулся в обморок.

Я достал россыпь монет из шкатулки Корсакова и наконец-то рассмотрел, что там было.

Еще давно, в своем мире, я слышал, что в это время имели хождение золотые червонцы. Вот только я не представлял есть ли они здесь.

Внимательно рассмотрев монеты Корсакова, я обнаружил номинал. Надпись гласила, что в моих руках двухрублевая монета.

Снова составив монетки в стопочки, я насчитал сорок монет, что давало мне еще восемьдесят рублей золотом к тому, что уже было подсчитано.

Я выгреб все золото из своего сундука и убедился, что и там лежали двухрублевики. Пересчитал и остался очень довольным. Хомяк снова очнулся как раз к окончанию подсчета. Не поверил в то, что услышал и заставил меня снова пересчитать монетки. Их оказалось ровно двести.

Итого еще четыреста рублей.

Похоже, я был богатым буратинкой.

Не знаю, сколько денег требовалось на содержание всего моего хозяйства, этим должна была обрадовать меня мадам, но мне показалось, что на первое время нам хватит.

Хомяк принялся внушать мне мысль, что такое сокровище нельзя никому отдавать. Я согласился, но настоял, что мы должны поддерживать всю свою инфраструктуру и выполнять взятые на себя обязательства. Мелкое животное подергалось, но согласилось. После чего вольготно развалилось в воображаемом кресле, уж больно похожем на трон, и затянулось толстой сигарой, скатанной на бедрах кубинских девиц.

Кстати, о них. Хомяк раскинул передо мной житейские перспективы обладателя такого богатства. Там был дворец персидского султана с гаремом обнаженных девиц. Я с легкостью узнал Настю на первом плане, за ней стояла полуобнажена Маша и совсем уж откровенно одетые девушки из борделя, которых мадам привела с собой. Кажется, был кто-то еще, но я не разобрал.

Все это было уже слишком. Я сосредоточился и воображаемым щелчком отправил с трона в дальний полет зарвавшегося грызуна. Встряхнулся и пришел в себя.

Я был богат. Это оказалось весьма приятно.

Ссыпав золото обратно и добавив к нему то, что принес с собой, я убрал сундук на место.

Затем я поставил перед собой шкатулку с артефактами и открыл крышку.

На дне сиротливо лежали четыре вещицы: кусочек камня, очень похожего на колчедан, слоистый металл, я не слишком хорошо в них разбирался, но это точно было не железо, кусочек серебра, тут я не сомневался и многогранный полупрозрачный камень фиолетового цвета, я определил его, как аметист.

Я совершенно не представлял, что они умеют и какому духу принадлежали. Поэтому осмотрев и запомнив артефакты, я сложил их в шкатулку и поставил рядом с сундуками, добавив гранит, принесенный с собой. Пусть пока полежат тут. Будем носить их к Анфисе Петровне в порядке очереди. Подумал немного и забрал гранит обратно. С ним нужно будет поработать подальше от деревни. Например, на поляне чуть позже.

Пора было выходить из хранилища, а то хомяк того и гляди вернется. Как я буду потом объяснять Насте с чего я вдруг решил добавить к нам двоим в постели еще пару девиц.

За дверью сидел один из парней стражников. При моем появлении он встал и склонил голову.

Я попросил его позвать Романа Дмитриевича. Староста пришел меньше, чем через две минуты. Видимо, был где-то поблизости.

– Можете закрывать, – произнес я и пошел в сторону своего дома.

У ворот я задержался. Тут была какая-то движуха. Стражники бегали, как наскипидаренные. Ворота открывались, и было слышно ржание лошадей. К нам кто-то пожаловал.

Я решил дожидаться и встретить гостей, в случае необходимости. Краем глаза заметил, что ко мне подошел Иван с встал рядом.

Из захаба выехала небольшая лакированная карета, запряженная двойкой лошадей.

– Курьерская, – сказал Иван, пока лошади разворачивались.

– Кто бы это мог быть? – спросил я парня, но ответа не последовало.

Я повернулся и глянул на своего товарища. Иван стоял с отвисшей челюстью. Причем, в прямом смысле этого слова.

– Эй? – позвал я парня. – Ты чего?

Он с трудом сглотнул и широко раскрытыми глазами уставился на меня, словно никогда не видел.

– Да кто там? – мое терпение заканчивалось.

Я готов был пойти и узнать кто в карете.

Иван вдруг шевельнулся и показал пальцем на герб, нарисованным в центре двери.

– Герб-то императорский! – только и смог выдавить из себя парень.

Я смотрел, как карета разворачивается и останавливается напротив нас.

Так, рассуждаем логически. Император не станет путешествовать в курьерской карете, значит так кто-то другой.

Дверца экипажа распахнулась и оттуда шагнул высокий мужчина в белом напудренном парике и длинном камзоле изумрудно-зеленого цвета.

Он вышел так, словно был тут главным. Подбородок задран, осанка такая, будто лом проглотил. Обвел взглядом окружающее пространство. Безошибочно выбрал меня и сделал ровно три шага в моем направлении.

– Никита Васильевич Шустов, вам велено прибыть ко двору Его Императорского Величества не позднее, чем через три дня. Вы получили это сообщение, как глава рода Восьмого Духа. Требование не позволяет вам отказаться от визита. Вот бумажный приказ, заверенный императорской печатью.

Мужчина вынул руки из-за спины. И протянул мне свернутый в трубочку листок бумаги, скрепленный сургучом.

Я посмотрел на герб он был в точности таким, как на двери экипажа.

– Прошу разрешения откланяться, – произнес напудренный мужчина, поклонился и скрылся в полумраке внутренностей кареты.

Я ожидал, что дверца закроется, и карета унесется в обратный путь в столицу, но я ошибся.

С другой стороны экипажа распахнулась дверца и ко мне подошел еще один мужчина. Он был гораздо ниже ростом, но камзол, парик и ломовая выправка выдавали в нем еще одного курьера его императорского величества.

– Никита Васильевич Шустов, вам велено прибыть ко двору Его Императорского Величества не позднее, чем через три дня. Вы получили это сообщение, как глава рода Духа северо-восточного ветра Посивы. Требование не позволяет вам отказаться от визита. Вот бумажный приказ, заверенный императорской печатью, – отчеканил он, заученную наизусть речь.

Глава третья

Откуда они это узнали? Да еще и точно не сегодня! Как иначе они могли успеть добраться из столицы? Хотя, если подумать на перекладных можно делать по сто двадцать – сто тридцать километров в день, а значит эти приказы могли быть составлены и отправлены сразу после смерти Терехова. Вот так-то. Оперативно. Но как?

Мужчина тем временем достал откуда-то из-за спины свернутую в трубочку бумаги и протянул мне. История со сравнением герба повторилась.

Курьер попросил разрешения откланяться и скрылся в карете. Экипаж тронулся и пока-тил к воротам.

Я обернулся и посмотрел на стоящего рядом и молчащего Ивана. Парнишка стоял раскрыв рот и смотрел на меня.

А ведь верно, я так и не рассказал ему, что произошло между мной и Тереховым.

– Вот так, – произнес я и пожал плечами.

Иван вздохнул, еще немного похлопал глазами, но ничего не ответил.

Что ж, у меня было совсем мало времени, чтобы собраться и отправиться в столицу. Была надежда, что раз уж курьер смог добраться до Суздаля за столь короткое время, то я точно уложусь в три дня. Но готовиться к поездке нужно быстро, а выезжать лучше не позднее завтрашнего утра.

А еще нужно решить, где остановиться в столице, да и вообще огромное количество вопросов. Я понял, что на меня накатила паника. Инстинкты бойца тут совсем не могли помочь, я отчаянно боялся светских приемов.

Будучи довольно известным спортсменом в своем мире, я не однократно присутствовал на официальных мероприятиях, но мне каждый раз давалось это с трудом. А тут мне предстояло встретиться с самим императором. Как себя вести? Не нужно ли надевать напудренный парик: А у меня его нет, что делать?

Мадам! Срочно нужно идти к ней. Она точно знает, что там и как.

Я развернулся и пошел к Анфисе Петровне второй раз за день.

На этот раз я не застал у дверей Афони, зато на крыльце сидел Данила. Охранник отламывал небольшие кусочки от сухого прутика и швырял их в бродящих неподалеку куриц. Птицы с криком бросались на кусочки ветки и принимались клевать их, стараясь отобрать друг у друга.

– Мадам у себя? – спросил я, подойдя вплотную.

– Да, – коротко ответил Данила, – Но она спит.

– Можешь разбудить?

Охранник замялся. Было видно, что будить Анфису Петровну не велено.

– Не переживай, она будет рада меня видеть, – усмехнувшись произнёс я.

Данила кивнул и поднялся, подошел к двери и тихонько постучал.

Из-за двери что-то ответили. Данила сказал, кто пришел. Выслушал ответ и попросил подождать пару минут.

Я услышал, как мадам торопливо ходит по дому, видимо приводя себя в порядок.

– Входите! – крикнула Анфиса Петровна из дома.

Данила кивнул и сделал шаг в сторону, пропуская меня.

– И снова здравствуйте.

Анфиса Петровна кивнула.

– Я бы хотел поговорить о светских мероприятиях.

– С чего бы это? – усмехнувшись, спросила мадам.

Я рассказал события последних тридцати минут.

Анфиса Петровна задумалась.

– В целом, там нет ничего сложного. Немного этикета, немного придворных интриг, немного ни к чему не приводящих разговоров. Все очень скучно и вычурно.

– Вы там бывали? – удивился я.

– О, нет, конечно! Таких как я, туда пустили бы только, как сопровождающую для какого-нибудь взбалмошного аристократа. А я никогда не хотела быть с такими.

– Но ведь вы знакомы со всеми главами родов, кто под покровительством духов, – возразил я.

– И что? У этих состоятельных особ свои провожатые. Я лишь так, чисто по необходимости. – Мадам как-то грустно усмехнулась. – Не переживайте, Никита Васильевич, я расскажу вам все, что требуется знать в первое посещение двора. Но я бы порекомендовала кого-то с собой взять.

– Настю?

– Можете взять Настю, если хотите позлить её отца, – мадам улыбнулась, давая понять, что она как раз за такое развитие событий.

А ведь верно, Корсаков скорее всего тоже там будет. И пусть причина вызова меня в столицу неизвестна достоверно, подозреваю она связана с событиями, совсем недавно происходящими в Суздале.

Значит Корсаков тоже должен там быть.

Мы беседовали с Анфисой Петровной не меньше часа. Зато от неё я вышел, почувствовав себя настоящим молодым аристократом.

Вот только меня беспокоило несколько вещей.

Не может ли все это быть какой-то хитрой ловушкой? Не получится ли так, что я уеду из деревни, а сюда явятся люди Корсакова и уничтожат моих людей?

Нет конечно, мы подготовились, но всегда есть такой численный перевес противника, при котором никакие подготовительные работы не спасут. Что будет делать Роман Дмитриевич, если к стенам деревни явится толпа наемников, способная закидать шапками всю деревню вместе с нашими системами защиты?

С этим нужно было что-то делать. Я очень надеялся на осколки. Думал, что они смогут мне помочь защитить деревню в мое отсутствие, но пока все было глухо.

Мне стоило постараться выяснить на что способен гранит, раз уж я понял, а точнее, думаю, что понял, какая песня помогает пробудить его силу.

Я решил немедленно идти на поляну и разбираться с этой проблемой. Но прежде надо было найти Настю и сообщить девушке, что мы предстанем пред его величеством не позднее, чем через три дня. Вот она обрадуется!

Настя обрадовалась, да так, что крики были слышны по всему дому. Не ожидал от нее таких проявлений негодования.

– Ты зачем на это согласился?! – кричала она. – Это ведь явная уловка моего драгоценного папаши. Это в его стиле! Поверь, он убьет здесь всех, пока ты будешь ездить в столицу и обратно!

– Но ведь курьеры... Приказы явятся, – возразил я. – Как я могу их игнорировать? Успокойся, я придумаю, как нам оставить людей в безопасности.

– Прости! – Настя подошла и прижалась к моей груди. – Прости, я что-то очень эмоциональна последнее время.

Я взглянул на девушку. Собирался было спросить уверена ли она в своих женских хитростях, уж больно её поведение подозрительно выглядит. Но решил воздержаться от этого. Сейчас были другие вопросы, требующие срочного решения.

В итоге мне удалось убедить ее поехать со мной. А о деревне я пообещал позаботиться. Но чтобы выполнить это обещание, мне требовалось срочно уйти.

Черт! Как сложно пытаться поддерживать нормальные отношения. Иногда я жалею восточных султанов, чье положение в обществе требует содержания большого гарема. Я более чем уверен, даже будь султан тираном, женщины вынесут ему мозг.

В моем же случае всегда требуется готовность и желание идти на компромисс. По любому поводу может возникнуть критическая ситуация, и в такие моменты эта готовность и желание могут помочь восстановить равновесие.

Сейчас была именно такая ситуация.

Я вышел из дома и довольно улыбнулся. У меня все получилось. Справится с первой семейной ссорой – чек! Поставили галочку.

До поляны я добрался быстро. В деревне было много народу, но я шел напролом, не обращая ни на кого внимания. Только кивал, отвечая на приветствия.

Я поставил камень в центре поляны. Посмотрел на острые неровные края гранита, подумал, что там есть что-то что когда-то было духом. Жил в своем мире и не думал, что кто-то типа меня станет требовать от него выполнять желания. Хотя, если бы тут были желания, то все было бы просто. Захотел неприступную каменную стену вокруг деревни и вот тебе пожалуйста. Получите – распишитесь.

Мне требовалось произнести слова из песни, но я никак не мог на это настроиться. Опять же, до какой строки петь? Вся песню или только припев? А может вообще требуется только пара строк?

Я вздохнул. Сколько не оттягивай, а делать придется. Прокрастинация – бич моего времени в другом мире, а не этого. И нечего нести эту заразу сюда!

– Что нам ветер, да на это ответит? – произнес я тихо, растягивая слова, как в песне. – Несущийся мимо, да сломавший крыло.

Камень, до сих пор стоя на траве словно обычный кусок гранита, вдруг ожил. Стал едва заметно светиться.

– И, упав между нами, так недолго любимых, – продолжил я уже смелее. – Разбил он объятья, как простое стекло.

До Шевчука мне было, конечно, далеко, но эта песня мне нравилась, и я легко мог вспомнить и мотив, и манеру исполнения.

Свечение усилилось и полилось со всей поверхности артефакта.

Но что-то было не так. Часы в это время уже создавали сферу остановки времени. А камень словно чего-то ждал. Неужели он требовал спеть ему всю песню? Если так, то я точно потребую выстроить неприступную стену!

Откуда-то из-под земли послышался гул, словно пробудился вулкан. Здесь в лесу? Землю тряхнуло. Мне показалось, что подпрыгнули деревья. А потом стало совсем жутко.

По всему периметру поляны из земли полезли острые гранитные когти или ребра, тут как посмотреть. Тонкие и острые наверху, они становились все толще и толще, соединяясь между собой у основания.

Гул продолжался, словно где-то глубоко под землей работала какая-то адская машина, создающая гранитные скалы прямо из окружающего материала. Не верю я, что пару минут назад в этой местности было столько гранита. Пусть и под землей.

Гранитная стена достигала уже нескольких метров высотой, а камень все рос и рос. Наконец, движение замедлилось и гул стал стихать. Горы оцетинились клыками, казавшимися отсюда очень внушительными.

Я оказался стоящим в центре гранитной стены с острыми треугольными выступами на самом верху. Нет, центром этого безобразия был не я, а кусок гранита. Именно вокруг него образовалась эта стена. Интересно, если бы я пожелал не стену, а катапульту, кидающую огромные гранитные булыжники, я бы получил ее?

Что ж, вопрос с защитой деревни можно было считать почти решенным. Конечно, внутрь стены можно закинуть что-то горючее и сжечь деревню, но даже такой вариант защиты был весьма недурным.

Словно в ответ на мои мысли снова раздался подземный гул, и верхние клыки гранита снова начали вытягиваться. На этот раз они тянулись и загибались внутрь, пока не соприкоснулись над моей головой.

Вокруг стало заметно темнее, толстенные гранитные арки закрывали большую часть неба. Проблема закидывания сверху чего бы то ни было осталась, но эта задача сильно усложнилась.

Полыхнуло белым и проемы между арками словно затянуло синим силовым полем.

Вот теперь было отлично!

Я управлял созданным магическим куполом и это строение выполняло мои приказы в доступном ему варианте.

Отлично! Да с такой штукой никто не сможет причинить вреда деревне. Осталось выяснить пару моментов. Как это убрать, и как сделать так чтобы артефактом мог управлять, например Роман Дмитриевич. Не получится ли так, что только тот, кто способен использовать магию, может повелевать этой штукой. Какой урон выдержит эта конструкция? Не случится ли так, что она способна противостоять магии, но не физическому урону, как например действовал мой кокон. Сплошные вопросы. И нет времени поэкспериментировать. И еще момент. Как быть с размером?

Стоп! Время у меня есть.

Но для начала нужно понять, как убрать эту штуку.

– Исчезни! – произнес я, сосредоточившись.

Каменный купол пропал.

Отлично!

Я глянул на камень, он по-прежнему светился. Может ему надо время остыть?

Попробовав поднять камень, я потерпел неудачу. Каменюка стала настолько тяжелой, что я не смог оторвать ее от земли?

Я решил отойти немного в лесок, по нужде, пока артефакт остывал или что ему там нужно было сделать.

Желанные кусты были уже совсем близко, когда я безо всякого предупреждения налетел на невидимое препятствие.

Черт! Я потрогал нос, крови не было, но боль осталась.

Значит стена просто стала невидимой, повинаясь моей команде, а вовсе не перестала существовать. Вот почему камень светится и его нельзя сдвинуть. Он все еще работал.

– Перестань, – попросил я артефакт. – Выключись!

Свет вокруг камня померк.

Я протянул руку, и она свободно прошла насквозь того места, где только что была стена.

– Да! – воскликнул я и сделал жест рукой, точно такой же, как делали в детстве, когда получали желаемое.

Я вернулся в центр поляны спустя пару минут.

Камень стоял, как ни в чем не бывало. Я поднял его и взвесил в руке.

Что ж, продолжим эксперименты.

Достав часы из кармана, я коснулся коронки и произнес нужные слова.

Сфера окутала меня, и лес вокруг выцвел.

Гранит по-прежнему был со мной.

Поставив его на внутреннюю поверхность сферы, я спел ДДТ. Шевчук был бы доволен, узнав, что его песни преодолели границы миров.

Камень засветился. Я опасался, что стена снова возникнет там, где была до этого, но я бы этого не заметил, пока сижу в другом потоке времени. Но эксперимент есть эксперимент. Не попробуешь не узнаешь.

Я представил как вокруг камня строится крошечная гранитная стена. Начались какие-то вибрации, но стена не появилась. Похоже что-то было не так. Я сильно подозревал, что сфера не позволяет камню работать как надо.

Да уж, взаимодействие артефактов стоит еще изучить. Надо бы попытаться Буянова, может он что-то знает на эту тему.

Я вышел из сферы и увидел, как вокруг камня образовался крошечный вариант того, что я видел совсем недавно. Отлично! Теперь точно хорошо. Артефакт меня слушался.

Осталось выяснить совсем немного.

Я сосредоточился и создал фантомный топор. Если стена уязвима к магии, то мой топор ее разрушит.

Взмахнув невесомым оружием, я саданул им по куполу. Ничего не произошло. Купол выстоял. Теперь дело за физическим уроном. Жаль, что у меня не было ничего тяжелого под рукой. Я осмотрелся и поняв, что искать такую вещь на поляне бессмысленно.

Отошел на несколько метров, нашел сухое дерево и выломал дубину приличных размеров.

Вернулся и врезал ей по магической стене. Результат то же, что и с топором. А как на счет того, чтобы долбануть по ней много раз.

Я принялся лупить по куполу дубиной, пока та не сломалась, рассыпавшись в моих руках буквально в щепки.

Наклонился и осмотрел купол. На гранитных зубцах были видны повреждения. Похоже, у этой стены есть запас прочности. Вот только каков он? Думаю, тут без полевых испытаний не обойтись. Но на них у меня уже точно не было времени.

Я заставил артефакт деактивироваться, поднял камень и пошел обратно в деревню. Осталось еще одно испытание.

Романа Дмитриевича я нашел недалеко от лазарета. Он общался с невысокой заведующей этого заведения.

Дождавшись, когда они закончат разговор, я обратился к старосте. Рассказал ему то, что от него требуется и отдал гранит, предварительно напев незамысловатый мотив.

Роман Дмитриевич был немного растерян. Похоже, он ничего не знал о подобных артефактах. Зато, если все получится, я смогу спокойно покинуть деревню, не переживая, что вернуться к пепелищу.

Староста установил артефакт в центре открытой площадки.

Я рассказал, что нужно делать вплоть до мелочей, то, что знал сам.

Роман Дмитриевич отошел на несколько шагов и фальшиво запел «Ветер».

Я почувствовал, будто попал обратно в свой мир и сейчас сижу в караоке-баре, где горе-певец терзает микрофон своим вокалом.

– Что нам ветер, да на это ответит, – пел староста.

Припев закончился, и я взглянул на камень.

Глава четвертая

Проклятый каменюка стоял как ни в чем не бывало. Даже светиться не начал. Может быть, фальшивое исполнение его не устроило?

Роман Дмитриевич затравлено посмотрел на меня, когда слова припева закончились. Я улыбнулся, стараясь подбодрить его. Подошел и похлопал по плечу.

– Не выходит... – пожаловался староста.

– Да все в порядке. Давайте попытаемся еще раз. Только попробуйте просто произносить слова, не петь. Возможно, камень сработает и при таком раскладе.

– Хорошо, – согласился Роман Дмитриевич.

Я снова отошел на стратегически верную позицию. То есть подальше от камня и старосты, пытающегося с ним совладать. Отсюда я мог следить за ситуацией и в случае чего подстраховывать или накинуть щит, если дело пойдет совсем плохо.

Роман Дмитриевич готовился основательно. Откашлялся, прочистил горло. Было забавно на него смотреть. Он всегда довольно уверенно командовал подчиненными, отлично справлялся со своими обязанностями. А тут он явно был не в своей тарелке, но вариантов не было. Мне придется уехать, а оставлять людей без защиты, я не хотел.

Староста выдохнул, словно собираясь окунуться в ледяную воду и произнес слова, на этот раз просто стихом.

Не помогло.

Где-то в глубине души я ожидал такого исхода, но надеялся, что все получится.

Роман Дмитриевич сильно расстроился. Было видно, что он переживает.

– Не волнуйтесь, – произнес я, как можно бодрее. – Я что-нибудь придумаю. Без защиты я вас не оставляю.

Наверное, стоит попробовать самому активировать камень. Я сначала собирался спеть, но потом решил просто проговорить фразу. Стоило все же проверить работает этот способ или нет.

После произнесения последнего звука этого странного заклинания камень засветился. Точно так же, как тогда на поляне. Значит петь было не обязательно, это меня радовало, а вот что огорчало, так это невозможность пользоваться артефактами обычным людям. Или это уникальный случай?

В общем, проверять еще было что. Как вернусь из столицы, займусь экспериментами.

Я решил, что настрою стену прямо сейчас, вдруг потом не будет времени заняться этим.

Представив размеры требуемой стены, так чтобы она оказалась за пределами деревянного частокола и даже чуть дальше, чтобы не снести заостренные колья, я пожелал, чтобы стена сразу была невидимой. Не хватало мне еще паники среди населения, когда народ увидит лезущие из земли камни.

Камень мигнул, словно лампочка накаливания, при просадке напряжения и раздался гул. Вот об этом я не подумал. Хотя не уверен, что звуковые эффекты можно было бы убрать.

Но одного гула камню было мало. Еще и земля начала ходить под ногами. Трясло так, будто мы на вулканическом плато, где-нибудь на Камчатке или в Японии, того и гляди из-под земли Годзила появится.

Народ стал выбегать из домов, носиться в панике по улице. Кто-то принялся спасать имущество. Черт! Надо было предупредить людей о проведении подземных испытаний.

– Тихо! – старосте удалось перекрыть гул. – Без паники!

Народ замер, уставившись на Романа Дмитриевича.

– Успокойтесь! Все в порядке! Возвращайтесь к себе, скоро все закончится.

Люди успокоились, но возвращаться в дома не спешили. Гул и подземные толчки продолжались.

Я прикрыл глаза и взглянул на деревню в поисках энергетических возмущений. Все вокруг было залито свечением. Вокруг бушевали такие потоки энергии, что я со своими фантомами показался себе ребенком с деревянным самосвалом рядом с двухсоттонным «Белазом».

Вокруг шла стройка века. Энергетический отпечаток возводимых стен, что я видел, впечатлял.

Я добавил пожелание замкнутости купола сверху, но при этом он должен был свободно пропускать воздух. Подумал и представил те самые защитные поля, что мне продемонстрировал артефакт на поляне.

Осталось решить вопрос с входом и выходом из-под купола. И лучше бы его сделать избирательным.

– Роман Дмитриевич, сейчас кто-то из жителей деревни отсутствует?

– Да несколько человек ведут работы в лесу, кто-то уехал в город за провизией.

– Хорошо. У меня просьба. Не могли бы вы встретить их за воротами по приезду? Причем метрах в пяти от деревни, не ближе.

Староста непонимающе на меня посмотрел.

– Я пытаюсь обеспечить безопасность людей, – объяснил я. – Но для того, чтобы все жители имели возможность свободно покидать и возвращаться в деревню, моя защита должна их знать. Вот поэтому я прошу вас встретить людей, как только они вернутся, и сопроводить их внутрь.

– Хорошо, Никита Васильевич, – наконец произнес староста. – Все сделаю.

– Отлично.

Я вновь вернулся к управлению артефактом. Полной уверенности, что у меня получится настроить протоколы доступа не было, но попробовать стоило.

Перво-наперво, я определил всех, находящихся внутри периметра людей, как имеющих свободный доступ. Тех, же кто войдет внутрь в сопровождении старосты, я тоже распорядился поместить в список свободного доступа. Не знаю получилось ли у меня второе, но первое я собирался проверить прямо сейчас. Точнее, как только завершится строительство.

Камень стоял в центре деревни и мерцал. Народ уже собрался в кружок. Рассматривал диковинку. Староста объяснял всем, что это такое. И просил не уносить его с собой.

Да, предупредить, что его с места не сдвинешь, я забыл, но думаю, это мелочи.

Я понял, что возведение стены завершено, когда камень перестал мерцать и стал излучать ровный приятный свет.

Вот и отлично, ночью еще и светильник бесплатный.

Хотя, кто знает, насколько это все бесплатно. Энергии на поддержание этого защитного сооружения шел вагон и маленькая тележка. Но меня интересовал другой вопрос. Что это за энергия? Она берется из потоков, что питают мои магические способности? Или это энергия того духа, чей осколок заточен в граните?

Если рассуждать логически, то я бы предположил, что эта энергия ко мне отношения не имеет. Вроде как из слов Шанса я понял, что связь человек-дух – это своего рода пара проводников. Через нас качается энергия из мира духов, где ее полно, в этот мир, где есть её недостаток. Таким образом, подобной парой проводников является дух и его осколок. Один находится в том мире, другой в этом.

А значит, они качают энергию, не относящуюся ко мне. Если это так, то вообще отлично. Вот только интересно, а куда энергия уходит из этого мира? Если сюда постоянно идут тысячи потоков, а их не меньше. Как я понял из книги Буянова, что в каждой стране есть род, и чаще всего не один, кто отвечает за защиту границ государства. И этот род имеет духа-покровителя.

Так повелось совсем недавно, всего-то около трехсот лет назад, но это не важно. Энергия идет сюда, тут тратится, а что дальше?

Я не могу сказать, что в своем мире разбирался в физике, но школьная и институтская программа была мне знакома. И помнится был там такой закон: «сохранения энергии». Вот он то и должен как-то регулировать эти процессы. Нужно будет поговорить об этом с Буяновым, а еще лучше с Шансом.

Что ж, пришло время проверить мои способности программиста. Получилось ли создать допуск людям. Да и мне самому. Но могло оказаться так, что меня пропустят, так сказать, по благу. Так что я решил взять с собой кого-нибудь знакомого.

Осмотрев людей, собравшихся рядом с камнем, я увидел Машу. Девушка стояла чуть в сторонке, но внимательно и с интересом следила за происходящим. Я помнил, что она на меня злилась, но понадеялся, что все это уже в прошлом.

– Маша, привет! – я убедился, что девушка на меня взглянула и махнул ей ручкой.

Маша широко улыбнулась и помахала мне в ответ.

– Иди сюда! Чего там стоишь? – позвал я её.

Девушка подошла и встала рядом со мной.

– Пойдем прогуляемся до леса, – предложил я.

Маша покраснела, как спелый помидор, но закивала в ответ и принялась отряхивать с себя невидимые пылинки.

Да что же это такое? Любое мое предложение принимается ею, как приглашение заняться сексом? Ладно, пусть. Тут её снова ждет облом.

– Хорошо, Никита Васильевич, – согласилась девушка.

Краска с её лица уже схлынула, и мы отправились к воротам.

Через деревянные ворота мы прошли спокойно, но я так и думал, что периметр стены находится чуть дальше. Теперь главное было идти как ни в чем не бывало, не нервничать.

Я чуть ускорил шаг, видимо все-таки был на взводе. Маша шла за мной следом, когда неожиданно взвизгнула.

Я обернулся и увидел ошалело смотрящую на меня полностью обнажённую девушку. Её одежда валялась в метре от нас.

Маша принялась прикрываться, но со стен уже понеслись свист и улюлюканья.

Я метнулся внутрь и схватил одежду девушки.

На всякий случай оглядел себя, со мной все было в порядке. Что случилось я сообразил быстро. Стена пропустила человека, но ничего более. А у меня все же был блат.

Маша быстро одевалась, вся пунцовая, и временами посматривая на меня с какой-то детской обидой. Словно это я стащил с нее одежду перед всем честным народом.

Полностью восстановив свой первоначальный вид, Маша собралась броситься назад в деревню, приняв все это за злую шутку.

Я едва успел крикнуть ей:

– Стой!

Но девушка уже стояла по ту сторону стены снова абсолютно голая. Свист и крики со стен были громкими, и, мне кажется, сильно задевали девушку.

Черт! Я снова схватил одежду и бросился к Маше.

Она дернулась и собралась бежать в чем мать родила, лишь бы подальше от меня. Мне хотелось смеяться вместе с ребятами на стене. Не над Машей, конечно, а над ситуацией, но я понимал, что делать этого нельзя.

Я едва успел схватить девушку за руку. Силой подтащил к себе и прикрыл своим телом от наблюдателей. Маша сначала принялась брыкаться, как норовистая кобылка. Так же сопела и раздувала ноздри, но все же успокоилась и принялась одеваться. Я не стал отворачиваться и поглядывал на обнаженное тело.

Маша была девушкой красивой и с отличной фигурой. Там было на что посмотреть, но я конечно же не имел никакого желания портить отношения с Настей в угоду своим сексуальным фантазиям.

Девушка оделась и фыркнув, зашагала обратно в деревню. Крики и свист на стене стихли. Я видел, как Маша вошла в ворота, вся красная от стыда, даже шея была пунцовой.

Стоило догнать ее и извиниться. Но сперва надо было перенастроить доступ. Не хватало мне еще толпы голых мужиков в деревне. А то, что кто-нибудь куда-нибудь соберется идти, я не сомневался.

Я сосредоточился и все исправил.

Вышел за пределы стены и сделал еще пару шагов для верности. Идти и искать кого-то в деревне, чтобы проверить новые настройки мне было лень, так что я просто позвал парней из стражников, кто был на стене. Мне показалось, что они коротко кинули жребий, кому идти ко мне.

Когда один из них вышел и направился в мою сторону, остальные прилипли к стене и внимательно наблюдали, что же произойдет. Ну словно дети малые.

Парень подошел ко мне, оставшись одетым, как был.

Вот и славно. Теперь все работало, как надо. Осталось только проверить вариант со старостой, но когда вернутся люди с работ или из города я не знал. Но думаю, если что-то пойдет не так, мне сообщат. А пока у меня были и другие дела.

Я вернулся в деревню и поискал глазами Машу. Все же я хотел извиниться перед девушкой за столь неожиданное принуждение к стриптизу. Но ее нигде не было видно.

Следующим пунктом моего назначения был дом Анфисы Петровны. Я очень надеялся, что она смогла разобраться с ножом.

У входа снова сидел Афоня.

– Там Машка, – предупредил меня охранник.

Я кивнул.

Отлично, сразу и этот вопрос решу.

Войдя внутрь предварительно постучав, но не дождавшись ответа, я застал рыдающую на груди мадам девушку.

– Ой, – только и произнес я.

– Проходите, Никита Васильевич, Маша уже уходит.

– Я не хотел, честно. Маша, извини.

Я понимал, что никакой барин не станет извиняться перед своими работниками, но я был другим. Да и Маша не была моей прислугой или работницей. Мне было искренне жаль девушку, но большей слабости я проявлять не собирался. Не падать же мне ей в ноги и вымаливать прощение?

– Вот видишь, Маша, Никита Васильевич не нарочно.

Девушка немного успокоилась и теперь сидела на стуле рядом с Анфисой Петровной и косо на меня смотрела.

– Ну все, девочка, беги. Тебе пора.

Маша поднялась и пошла на выход.

– Все в порядке? – спросил я, когда она проходила мимо.

– Да, – ответила Маша и чуть заметно улыбнулась.

Кажется ей действительно было достаточно моего извинения. Вот и отлично.

Как только дверь закрылась, Анфиса Петровна уставилась на меня с немым укором.

Пришлось объяснять ей, что произошло.

– Вот значит как? – задумчиво произнесла мадам, как только я закончил. – Очень интересно.

– Вы не знаете откуда мой отец взял этот камень?

– Говорил, что привез с Урала, когда к своим в гости ездил.

Я помнил, что там живут наши родственники. И мне вдруг захотелось как-нибудь их навестить. А заодно расспросить, где отец раздобыл артефакт. Было бы неплохо разжиться такими в большем объеме. Мой внутренний хомяк обоими лапками поддержал эту идею, и снова скрылся на втором плане, пока я не решил снова куда-нибудь его отправить.

– Я кое-что узнала от вашего ножа, – как ни в чем ни бывало произнесла мадам.

– Это очень хорошо, – оживился я. – Еще один работающий артефакт никогда не бывает лишним.

– Там снова про ветер.

– И почему я не удивлен?

Анфиса Петровна усмехнулась.

– Ветер из трубы плач.

– И это все? – недоуменно спросил я.

– Пока все. Он очень невнятно бормочет. Там есть что-то еще, но я пока не могу разобрать. Может если еще с ним поработаю, то смогу сказать больше.

Я бы с удовольствием оставил нож у мадам, но что-то меня подталкивало взять его с собой. Не знаю что, но эта мысль настойчиво лезла мне в голову.

– Я заберу его на время поездки, а по возвращении, он снова будет в вашем распоряжении.

– Хорошо, – согласилась Анфиса Петровна.

Я забрал нож и убрал его в ножны.

– Мне нужно собираться. Хочу выехать, как только будем готовы.

– Все верно, – поддержала меня мадам. – Не стоит опаздывать на свой первый прием у императора. И возьмите с собой деньги в столице все очень дорого. И еще одно. Я взяла на себя смелость и через посыльного организовала вам встречу с управляющим заводом, тем, что выпускает алкоголь.

– Отлично! – я действительно обрадовался.

– Он вас встретит на последнем почтовом стане. Там и познакомитесь. Его зовут Чаплыгин Олег Матвеевич.

Я поблагодарил мадам за такую предусмотрительность и вышел.

Нужно было проверить готовность Насти. И если девушка собралась, то выдвигаться. Ждать утра особого смысла не было. Так у нас в запасе будет несколько часов если что-то пойдет не так в дороге.

По пути я нашел старосту и попросил распорядиться подать карету по первому требованию. А заодно, зайти в хранилище и взять из моего сундука десять рублей серебром. Я не думал, что мне понадобится такая сумма, но я еще в прошлой жизни понял, что запас карман не тянет.

Когда я вошел в комнату, Настя сидела на кровати, сложив руки на колени.

– Тебя ждала, – улынувшись произнесла девушка. – Хотела поговорить.

Я кивнул, присаживаясь рядом.

– Извини меня еще раз, за такое поведение.

– Я не сержусь, – ответил я абсолютно честно.

– Уверен, что нам стоит ехать?

– Да.

– Тогда можем выдвигаться у меня все готово.

Я оглядел комнату. У кровати стояли две небольшие дорожные сумки. Видимо, туда девушка упаковала наши вещи. Рядом лежала холщевая сумка откуда доносились очень аппетитные запахи. Не знаю, что нам положили в дорогу, но пахло это обалденно.

– Идем, – просто сказал я и собрался было взять сумки.

Настя странно на меня взглянула. Не барское это дело носить тяжести?

Да и черт с ним. Искать сейчас человека, кто погрузит наши вещи в экипаж мне не хотелось.

Подхватив все сумки, включая сумку с едой, я вышел в коридор.

Навстречу мне бежал Петя, ведя за собой Пружинку.

Оба кинулись ко мне и с энтузиазмом принялись скакать вокруг. Причем, как только я посмотрел на собаку и встретился с ней взглядом, Пружинка замерла и присела на пол.

– Петя, я уезжаю на несколько дней. Мастер Лин за тобой присмотрит.

– Хорошо, братец. Пружинка останется?

– Конечно!

– Ура! – завопил мальчишка и унесся к себе в комнату.

Собака, оглядываясь на меня, последовала за ним.

– Я предупредила Ивана и Лушку, – сказала Настя. – Если хочешь можешь найти их сам, но они сейчас где-то бродят. Пожалуй, Лушку можно найти поблизости от Степана, а Иван, кажется, собирался тренироваться с Лином.

– Ты молодец, – похвалил я Настю. – Пусть занимаются, не будем их отвлекать.

Староста встретил нас у входа. Протянул мне тяжелый кожаный кошелек и схватил из рук сумки.

– Экипаж сейчас подадут.

Староста кому-то кивнул.

Ждать пришлось недолго. К самому дому подкатила переделанная карета с прибитым к двери Горным Змеем, и мы быстро погрузились.

Раньше мне нравилось выезжать в ночь. Особенно на поезде. Возникало какое-то странное щемящее чувство в груди. Оно было одновременно и тоской по оставленному дому и радостью новых открытий.

Выезжать в ночь в конном экипаже, да еще с прицелом на дальнейшее путешествие мне еще не доводилось. Так что я первые полчаса, пока мы ехали до Суздаля, просто сидел и пялился в окно.

Настя, прильнув ко мне бочком, кажется, задремала. Я приобнял ее покрепче, и укрыл каким-то дорожным покрывалом, лежащим на сиденье напротив. Девушка поворчала и снова уснула. Возможно, ей доводилось совершать дальние поездки в каретах.

Из Суздаля шла одна дорога на запад. На нее мы и собирались выехать, когда я заметил, как с другой стороны города навстречу нам движется карета, запряженная четверкой лошадей. Мы со своей парой двигались значительно медленней.

На перекрестке наши экипажи поравнялись и оба свернули на западный тракт.

Я не успел задернуть шторку на окне, хотя подумывал об этом, когда въехали в город. В окошко я заметил, что такая же шторка в соседнем экипаже, движущимся параллельным курсом приоткрылась.

За ней в вечернем полумраке я разглядел довольно улыбающееся лицо Корсакова.

Глава пятая

Таиться смысла никакого не было. Я не представлял планов Корсакова, но подозревал, что именно сейчас прямое столкновение было невозможно. Император, похоже, вызвал всех на ковер, и затевать перебрасывание экскрементов друг в друга, а еще не дай бог с летальным исходом было полным пренебрежением к указу. А значит мы были в относительной безопасности. Самому же нападать на Корсакова было не лучшей идеей все по той же причине.

Так что я приосанился, улыбнулся Корсакова и посильнее отдернул шторку.

Тот прищурился, вглядываясь, и вдруг улыбка сползла с его лица, как старая кожа со змеи. Следы остались, что выглядела погано. Он явно заметил мою спутницу.

Губы Корсакова дрогнули, но я не стал вслушиваться в то, что он там бормочет. За то из-за его спины показался Гончаров. Они ехали в столицу в одной карете, а это о чем-то да говорило. Хотя с этими двумя и так все было понятно.

Гончаров уставился в окно. Я демонстративно приобнял Настю. Девушка заворочалась, но не проснулась.

Я усмехнулся и показал в окно знак «Виктория». Сомневаюсь, что кто-то из них его знал. Но мало ли? Вдруг я не один здесь такой переселенец. Нет. Никакой реакции не было, лишь легкое недоумение на лицах. Я убрал указательный палец, оставив лишь средний и задернул шторку.

Экипаж Корсакова умчался вперед, я довольно четко слышал удаляющийся стук лошадиных подков. И мы остались одни на пустой дороге.

Примерно через полчаса сумрак сгустился, заставив меня всматриваться в темноту. Можно было зажечь свечу, но я не хотел вставать и будить Настю.

Мерное покачивание кареты, ровный ход и покрякивания кучера на лошадей ввели меня в состояние легкой эйфории. Мне было хорошо от того, что я куда-то еду, что мимо проносится верста за верстой, что где-то совсем рядом подковы стучат по плотно укатанной земле, что не нужно срочно куда-то бежать, что-то делать, а можно просто сидеть и смотреть в темноту.

За спиной осталось несколько недель, проведенных в новом мире, а я несся вперед, обнимая ту, которая стала для меня очень близкой, ту, которую я хотел сделать счастливой.

Я посмотрел на спящую девушку и легонько погладил ее по руке. Настя зашевелилась и открыла глаза.

– Темно, – констатировала факт девушка.

– Зажечь свечу?

– Нет, пожалуй, так лучше.

Я улыбнулся сам себе, вспомнив, как совсем недавно думал о том, чтобы поехать куда-нибудь вдвоем с Настей. Провести парочку экспериментов по изучению влияния движения экипажа на стабильность и допустимость поступательных фрикционных движений, производимых между людьми разного пола.

Подумав об этом, я как-то неожиданно для себя понял, что уже какое-то время обнимаю Настю и касаюсь кончиками пальцев ее груди через одежду. Осторожно поглаживаю, подбираясь все ближе и ближе к соску. Девушка поняла, что происходит и улыбнулась.

– Ты чего? – с притворным удивлением спросила она, уже догадываясь, что я отвечу.

Я не стал ничего говорить, а просто развернул её к себе лицом и развязал тесемки на одежде. В глубоком разрезе ворота стала видна ее большая грудь.

Наклонился к дверям и запер засовы на той и на другой.

Стянул с себя рубаху, затем помог избавиться от верхней части одежды Насте.

Девушка сидела передо мной с обнаженной грудью. Её большие перси покачивались вверх и вниз в такт движению экипажа. Матовая кожа в темноте казалась фарфоровой, а темные точки набухших сосков черными.

– Встань, – осипшим голосом приказал я.

Настя встала, и для верности, уперлась руками в крышу экипажа. От того, что девушка подняла руки её красивая грудь казалась еще привлекательней.

Я наклонился вперед и стянул с нее штаны. Затем избавился от своих, сел поудобней, сместив таз чуть вперед, заблаговременно оставляя место для ног девушки.

Взял Настю за талию и привлек к себе. Поставил ее коленями на сиденье и принялся целовать живот. Девушка запустила свои руки мне в волосы и стала их гладить, временами взъерошивая.

Приподняв голову, я переключился на грудь. Целовал, облизывал и покусывал. От чего девушка тихо постанывала. Пару раз, когда карета налетала на кочку, я излишне сильно прикусывал сосок и Настя вскрикивала. Не думаю, что ей было так больно, но элемент неожиданности в таких вещах придавал пикантность этому эксперименту.

Настя, взяв меня за голову обеими руками наклонилась и впилась в мои губы. Я раздвинул ей ноги и опустил на себя. С глухим стоном девушка дошла до нижней точки и начала осторожно двигаться. Я помогал ей руками придерживая за ягодицы.

Сначала у нас не слишком хорошо получалось. Девушка решила двигаться медленно с большой амплитудой, чувственно постанывая. Попадая в противофазу движению, Настя несколько раз соскальзывала с меня в верхнем положении. И приходилось начинать все сначала.

Я принялся ограничивать ее движения, чтобы не выходить из нее, и стало заметно лучше. В какой-то момент, она попала в такт движения и это было волшебно. Секс в движущемся экипаже оказался настолько возбуждающим, что я готов был закончить уже через несколько минут.

Едва успев ссадить с себя девушку, я стал подрагивать. Почти вся жидкость попала на живот и грудь Насти. Она усмехнулась и провела ладонью от груди к животу, размазывая ее по телу.

Мне требовался отдых, но я не собирался останавливаться на достигнутом. Настя, к слову, тоже не торопилась одеваться.

Я пошарил внизу и нашел свою рубашу. Протянул ее девушке, предлагая обтереться. Настя отказалась.

– Девчонки в борделе говорили, что это полезно для кожи. Молодость продлевает.

Я представил, как протеины и липиды подсыхают и начинают стягивать кожу. Передернул плечами, но промолчал. Чем бы дитя не тешилось, лишь бы купить машину не просило. Помогает от старения, значит помогает. Кто я такой чтобы спорить с женщиной относительно красоты кожи?

Улыбнувшись, я пододвинулся ближе к окну и похлопал по сиденью рядом с собой.

Настя присела и навалилась на меня. Я обнял ее, как бы невзначай положил ладонь на грудь. Девушка хихикнула и положив свою ладонь сверху сжала ее несколько раз, словно подсказывая мне, что делать. Я демонстративно повторил движение, и Настя засмеялась.

Так мы и сидели, прижавшись друг к другу. Прохладная гладкая кожа девушки приятно касалась моей и от этого касания хотелось радостно кричать и скакать. Я конечно же не стал этого делать, но где-то внутри я ликовал, как дорвавшийся до компьютера подросток.

– Расскажи мне что-нибудь, – попросила Настя.

Извечная проблема с подобными просьбами. Как только тебя просят рассказать анекдот, ты сразу забываешь их все до единого. Так и тут. Что рассказать?

– Что бы ты хотела услышать?

– Каков он, мир духов?

– Я там не был, – пожав плечами, ответил я.

Настя попыталась развернуться, чтобы посмотреть на меня.

– А как ты общаешься со своим духом-покровителем?

Я заморгал от неожиданного вопроса. Хорошо, что в карете было темно и Настя скорее всего ничего не видела.

– Вызываю его с помощью капли крови и общаюсь. Последний раз вообще просто так поговорили, – слегка недоумевая от вопроса ответил я. – А как надо с ним общаться?

– Отец в транс входит. Говорит, что его собственный дух попадает в мир, где обитают духи-покровители, и там он общается с Сивроком.

Я вдруг вспомнил, что о чем-то подобном говорил мне Терехов. Черт возьми, мне никто не рассказывал, как надо общаться с духами. Может им еще и в ноги надо кланяться? Хотя у Шанса их не найти, как у любой змеи.

Так что это получается, что я как-то не так разговариваю? Надо будет на досуге над этим подумать. Может это несет какой-то скрытый смысл?

– А кровь? – я вдруг подумал, что меня на что-то разводят.

Хотя нет же, Корсаков использовал мою кровь при своих тестах по передаче покровительства. Значит это нормально.

– Кровь тоже нужна, – ответила Настя. – Но на каком этапе он ее использует я не знаю. Я никогда не видела, как он общается. Это всегда происходило где-то в подвале дома. Когда я была маленькая, то пыталась пробраться туда. Думала, сама смогу стать магом.

– А сейчас так не думаешь?

– И сейчас думаю, что смогу, но надо искать знания не здесь. Тут другой уклад. Не пробиться.

– Про Буянова тоже так узнала? – спросил я девушку.

– Как так?

– Пробравшись в подвал.

– Ну, да, – протянула Настя. – Вот только отец заметил и хотел наказать. Строго. Но я дожидаться не стала. Сбежала из дома.

– У твоего отца есть сыновья? – я вдруг решился задать вопрос, который меня давно мучал.

– Нет, я у него одна.

– Даже бастардов нет?

– Не знаю я, – Настя вдруг дернулась. – Я за ним не следила, куда он от мамы бегал.

Я крепче обнял девушку и нежно погладил по плечу.

– Извини. Если разговор тебе не приятен, давай поговорим о чем-то другом.

– Это ты извини. Я нервная немного, когда дело касается моих родителей.

– Уяснил, – усмехнулся я. – Если соберусь на тебе жениться, то просить руки у твоего отца не стану.

– Если соберешься?! – Настя отодвинулась от меня и легонько шлепнула по ноге. – Ты меня обесчестил и обязан жениться!

Она была такая милая, когда так притворно злилась, что я готов был её расцеловать.

– Так вот зачем ты выяснял у меня про братьев! Думаешь, если за меня заступиться некому, то сиротку можно и так пользоваться?!

Девушка распалилась так, что я не мог понять шутит она или всерьез.

– Да я... только...

Настя прыснула от смеха и завалилась на меня придавив своим телом.

– Что ты собираешься делать при Дворе? Бывал в таких местах когда-нибудь?

– Нет, – честно признался я. – Не доводилось.

– Значит тебе нужна я, – горделиво заявила девушка.

– Ты бывала при Дворе?

– Нет конечно! – Настя рассмеялась. – Зато я много времени провела с преподавателями изучая придворный этикет и правила посадки за стол, а еще как держать вилку, ложку, нож и локти, как не чавкать, даже если очень хочется и как не выпить слишком много, чтобы потом не было за это стыдно.

Девушка принялась мне пересказывать, что узнала на занятиях. Я слушал ее голос в темноте, поглаживая по спине, пояснице, ягодицам и бедрам. Мимолетно ласкал грудь. Временами Настя прерывалась, и мы долго и с наслаждением целовались.

Карета шла мягко. Видимо, мы миновали участок дороги с кочками и выехали на тракт. То и дело слышался голос кучера, как он понукает лошадей, как переругивается со сменщиком. Роман Дмитриевич не доверял подменным возницам, поэтому отправил с нами сразу двоих. Они должны были подменять друг друга по мере необходимости.

Нам предстояло ехать около тридцати пяти часов, меняя лошадей каждые двадцать пять километров на почтовых станах. Там за время смены, мы могли немного отдохнуть и перекусить. Кроме того, еда была у нас с собой, если захотим есть во время перегона.

В районе Покрова, мы должны были остановиться на пять-шесть часов. Немного поспать, хорошенько передохнуть и продолжить путь уже до Москвы.

На окраине столицы, нас должен встретить управляющий и проводить туда, где мы останемся на нужное нам время.

Настя увлеклась и принялась пересказывать какие-то забавные истории из придворной жизни, которые якобы произошли с её преподавательницей этикета. Как я понял, та была фрейлиной какой-то княгини. Все забавности сводились, кто кому наступил на ногу или на подол платья.

Черт! Платье! Где Настя его возьмет? Хотя что это я? В столице не найти магазина? Какие к черту магазины готового платья в этом веке? Портной! Сшить платье за два дня? Мысли метались словно испуганные курицы. Я никогда не задумывался, как тяжело быть женщиной, вхожей в высший свет. Поздравляю Никита, теперь тебе предстоит это узнать.

– Настя, – перебил я девушку. – Где мы возьмем тебе платье?

Девушка замолчала, непонимающе на меня уставилась. Наверняка задаваясь вопросом, как это я перескочил от рассказа об отдавленной ноге к вопросу о платье. Но эта растерянность длилась всего пару секунд. Настя загадочно улыбнулась и сказала:

– Не переживай. Я обо всем подумала.

– Хорошо, что ты у меня такая предусмотрительная.

Я улыбнулся и поцеловал девушку в нос.

– Я сама у себя такая, не надо меня себе приписывать пока предложение не сделал! – сказала Настя и снова засмеялась своим звонким заливистым смехом.

Что-то мне подсказывало, что вскоре мне предстоит об этом серьезно задуматься. Сейчас не то время, когда пара может заниматься сексом безо всяких обязательств живя друг с другом годами. А затем просто сказав: «Извини, прости, прощай!» разбежаться в разные стороны. Я и не собирался поступать так с Настей, но мысль о скорой свадьбе меня как-то не посещала. Вот что значит привычки и нравы двадцатого века. И я молчу о двадцать первом, там все было еще хуже.

Движение кареты снова стали неровными. Появились дерганье и рывки. От этих движений Настя стала скользить по мне туда-сюда. Я обнял её и крепче прижал к себе. От трения о её тело я снова начал возбуждаться.

По моим ощущениям ехать было еще долго, так что почему бы не скоротать его приятным способом?

Настя почувствовала мое возбуждение, и сама начала подыгрывать нашему экипажу. Усиливала его движения в нужную сторону. Девушка немного приподнялась и нависла надо мной. Позволив груди свободно двигаться. Я как зачарованный следил за этими движениями. Видя, как девушка с каждой секундой сама возбуждается все сильнее и сильнее.

Засунув себе в рот палец и демонстративно его облизав, Настя сделала однозначный намек. Не знаю от чего, но я завелся только сильнее. Девушка поднялась с меня и, взяв за руку, потянула на себя, заставив сесть. Сама встала на колени и, не сводя с меня взгляд, принялась облизывать и посасывать мой снова начавший вставать член. Я откинулся на спинку и стал получать удовольствие.

Когда напряжение достигло максимума, я приподнял девушку за плечи, дав понять, что хочу продолжить в другом формате.

Девушка послушно поднялась, я взял ее за талию и развернул к себе спиной, затем подтолкнул к сиденью напротив и поставил на колени.

Настя взялась руками за спинку и слегка отвела таз назад, прогнувшись в пояснице.

Я вошел в нее сзади.

Настроившись под такт движения кареты, я принялся входить с каждым движением глубже и глубже. Когда девушка принялась громко стонать начал увеличивать темп, стараясь доставить ей максимум удовольствия.

Хотелось продолжать так до бесконечности. Иногда замедляясь, иногда ускоряясь. Такие качели могли свести с ума, в хорошем смысле этого слова.

Настя принялась что-то бормотать, и я понял её финал уже близко.

Вдруг раздался громкий окрик кучера, и карета резко затормозила. Я вошел так глубоко как никогда раньше, уперевшись лобком в ягодичы девушки. Настя закричала. Это торможение, словно послужило спусковым механизмом. Тело девушки забилося в судорогах оргазма. Я понял, что тоже на пределе и быстренько вышел из неё.

Настя завалилась набок на сиденье. Она мелко тряслась, непрерывно постанывая, я просунул руку ей между ног и помог продлить наслаждение, одновременно помогая себе другой рукой дойти до финиша.

Снаружи происходила какая-то возня, а нам было на это наплевать. Я сидел на полу обнимая девушку, так и оставшуюся лежать на сиденье, поглаживал её грудь, иногда переходя на лицо. Настя хватала губами мои пальцы и начинала их посасывать. Я отводил руку и снова принимался за грудь и так по кругу.

– Никита Васильевич, – раздался голос кучеру у самой двери.

– Слушаю, – ответил я, ущипнув Настю за сосок.

– Вам бы взглянуть.

– Если там какая-нибудь ерунда, – тихо сказал я Насте, склонившись к самому уху, – то я превращу его в крысу.

– Ты ведь шутишь? – тревожно спросила девушка, хотя улыбка выдавала её с головой.

– Конечно шучу, – усмехнулся я. – Сейчас выйду, – крикнул я кучеру через дверь.

Быстро одевшись, я вышел из кареты.

Глава шестая

– Что случилось? – спросил я у стоявшего рядом кучера.

Коренастый мужичок с очень живой, как у ребенка, мимикой, начал сбивчиво объяснять, размахивая руками.

– Мы через лес едем. Вдруг, бац! Дерево падает. Прямо на дорогу! Рухнуло, как подкошенное. Только ветки трещат! Петька вспышку говорит сбоку заметил, но я не знаю. Сам не видел.

Карета стояла чуть боком, закрывая от меня вид на дорогу.

Кругом была темнота. Факел в держателе давал слабый свет, которого хватало осветить только несколько метров вокруг. На самом деле он даже мешал. Из круга света ничего нельзя было разглядеть дальше.

Я так понял возница зажег его после того, как остановил экипаж. До этого ехали в темноте.

Посмотрев кругом, я увидел только густо стоящие стволы деревьев. Где-то, в нескольких метрах впереди было второе пятно света. Судя по всему, другой возница пошел посмотреть, как нам проехать.

Я не сомневался, что упавшее дерево, дело рук Корсакова. Не думаю, что он где-то рядом. Скорее всего придумал, как организовать ловушку. Неужели он решил, что таким образом сможет задержать меня в пути?

Со стороны препятствия вдруг раздался тонкий свист, а затем пронзительный крик разорвал тишину ночи. Еще мгновение и все стихло.

Я бросился вперед, закрывшись щитом.

– Стой тут! – крикнул кучеру. – Не лезь! Настю не пускай!

Оббежав заржавших от испуга лошадей, я выскочил на дорогу.

Факел валялся на земле и подсвечивал жуткую картину.

К стволу поваленного дерева короткими деревянными кольями был пригвождён возница. Тело навалилось на ствол, упав вперед. Из его спины торчали толстые ровно срезанные концы кольев. Возница был совершенно точно мертв. В широко раскрытых глазах отражался свет факела.

Кровь стекала на землю многочисленными непрерывными струйками. Натекло уже порядком. Подогнувшиеся ноги возницы коленями стояли в черной лужице.

Сзади вскрикнула Настя.

– Стой там! – крикнул я, мельком бросив на нее взгляд.

Я пошел по направлению к дереву, осматривая окрестности своим особым зрением. Если поблизости есть что-то магическое, я обязательно это замечу.

Подошел почти вплотную к стволу, когда за спиной тонко свистнуло. Обернувшись, я увидел, что в мой энергетический щит вонзилось несколько похожих кольев, какими был убит кучер. За пределами кокона они сияли голубоватым светом, напоминая большие сосульки. Внутри обволакивающего их свечения виднелись черные, словно обугленные, заостренные концы. Колья на десяток сантиметров вошли внутрь моего щита, и затормозились магической оболочкой.

Корсаков додумался использовать магию в сочетании с кинетическим снарядами. Физический предмет – заточенный деревянный кол – был окутан магическим коконом. За счет которого, видимо, он и двигался.

Хитрый ход. Особенно, если учесть, что после исчезновения магической части снаряда останутся просто колья. Легко списать на нападение разбойников или еще что-то подобное.

И ведь понимал, что я могу пойти проверять препятствие закрывшись щитом. Знал, что против физического урона он слабоват, и таким образом думал разделаться со мной.

Дочерью он не рисковал. Кто же пустит девчонку проверять, что случилось в ночи на дороге.

Но продумать и доработать свое оружие он не смог или времени не хватило. Колья преодолели кокон, но потеряли энергию.

Я протянул руку и с усилием втащил одну из деревяшек внутрь кокона. Не взорвется же она у меня в руках.

Самый кончик был обожжен и заострѐн, тут похоже, поработал Гончаров. Я отбросил деревяшку, и она упала к моим ногам, оставшись внутри кокона. Снимать защиту я пока не собирался.

Подошел к кучеру и осмотрел его. Убедился, что он мертв. Кое-как выдернул три кола, прошивших тело насквозь, засевших в древесине. Приподнял мужика и оттащил его на обочину дороги.

Там к нему подбежал второй возница и принялся осматривать. Пусть. Хоть под ногами мешаться не будет. Настя сидела на ступеньке кареты, обхватив голову руками.

Я подошел к стволу дерева, где был очень ровный и аккуратный срез. Ни пила, ни тем более топор такого среза бы не оставили. Потрогал торец, он был влажный и холодный.

Черт! Ведь упало дерево позже, раздавило бы карету в два счета. А если бы еще добавились колья, то нам бы точно не жить. Вот только тогда пострадала бы и Настя. Видимо, Корсаков не желал убивать свою дочь. Для девушки это было хорошо, как и для меня. Терять ее я не собирался.

Я был дико зол на Корсакова за то, что он убил еще одного моего человека. Зол на себя, что потерял бдительность, решив, что сейчас нам ничего не угрожает. Зол на императора, что тот устроил эту вечеринку.

Я вышел и встал перед мордами лошадей, лицом к преграждающему дорогу стволу. Поднял правую руку вверх, ладонью к небу. Представил, как собираю силу и превращаю её в тонкие желтые нити. Следуя моему движению и желанию, сотни светящихся, толщиной с паутинку, струн метнулись к стволу и опутали его сеткой.

Кулак сжался и в воздухе разлился высокий едва слышный звук. Словно кто-то задел натянутую струну. Я видел, как нити врезались в ствол. И зарычал, стиснув зубы.

В следующий миг дерево разлетелось в щепки, в труху, в крошки. На дороге осталась только большая гора опилок, словно тут кто-то поработал бензопилой.

Повернувшись, я попытался успокоить попятившихся было лошадей. Погладил животных по мордам. Подбежал кучер и схватил животных за сбрую, не давая птаться. Я оставил это дело профессионалу, а сам снова вышел немного вперед.

Сосредоточился и представил, как вокруг меня расходится волна силы. Сырой непреработанной энергии. Волна уходила все расширяющимся кольцом в лес, и дальше, на сотню метров. Прошла, очистив окрестности от магических ловушек. Не знаю, как она должна была действовать, но так я захотел. «Просто пожелай!», – сказал когда-то Шанс. Что ж, желаю, чтобы все магические ловушки, оставленные здесь всякими мудаками, протухли!

Я не представлял на какое расстояние распространяется моя магия. И сработает ли она вообще в таком варианте, но выбора у меня не было. Ехать вперед просто так и подвергать опасности Настю, я не собирался.

Интересно, если я пожелаю чего-то более глобального, получится? Или есть какие-то пределы?

Я почувствовал, как ноги подкашиваются. Что это? Отдача от использования силы? Если так, то вот и ответ на предыдущий вопрос. Пределы есть. Пожелай я чего-то по-настоящему

крупного, просто упаду замертво. Видимо есть ограничения по прокачке энергии. А может, канал слабоват? Не знаю. Пока больше вопросов, чем ответов.

Мертвого возницу мы похоронили недалеко от дороги. Присыпав камнями, что валялись вдоль леса. Не думал, что тут так много камней.

Погрузились в экипаж и в полной тишине продолжили путь.

Настя сидела рядом со мной и молча теребила непослушный локон волос. Наматывала его на палец и снова распутывала.

– Не волнуйся, мы справимся! – произнес я бодрым голосом, пытаюсь вывести девушку из ступора.

– Угу, – едва слышно ответила Настя. – Но сколько людей пострадает за это время?

Я понимал, что отвечать на этот вопрос нельзя. Нельзя говорить, что люди не пострадают, потому что это не так. Нельзя говорить, что это допустимые потери, потому что это не так. Но одно я знал точно, что все это могу остановить только я. Возможно еще император, но я не знаю на что он способен. Если Корсаков собрался выступить против него, значит считает, что сможет справиться. Даже если ему будут противостоять остальные четыре рода, объединив усилия.

Нельзя было допустить такого. Я дал себе слово, что при возможности добьюсь личной аудиенции и расскажу императору, что задумал этот человек. Хотя, судя по тому, как быстро пришли «приглашения» ко Двору, то исключать возможной осведомленности императора тоже не стоит.

На почтовый стан мы прибыли без приключений.

Настя несколько раз засыпала, убаюканная покачиванием кареты. Я же не сомкнул глаз, высматривая возможные ловушки магическим способом.

Здание станции было одноэтажным, сложенным из круглых бревен. Четыре прорубленные в фасаде окна выходили на проезжую часть тракта. Ни в одном из них свет не горел. Кажется, здание спит.

Кучер остановил экипаж и спрыгнул с козлов. Подошел к высокой деревянной двери и забарабанил по ней кулаком.

Через минуту в одном, самом дальнем окне, показался огонек свечи, а еще через несколько минут на порог вышел заспанный станционный смотритель.

Сонными глазами он смотрел на кучера и что-то тихо отвечал на его вопросы.

– Лошадей нет, – сказал кучер, подойдя к открытой дверце кареты.

– Как это нет? – удивилась Настя, высунувшись из-за моей спины. – Куда они делись?

– Говорит, что с час назад проезжал какой-то знатный господин и забрал всех. Восемь голов на подмену было.

– Мы сможем продолжить путь на этих? – спросил я возницу.

Тот с сомнением пожал плечами.

– Сможем, но будем ехать медленнее.

– Сколько нужно дать передохнуть животным, чтобы они смогли осилить еще один перегон с нормальной скоростью? – спросил я.

– Хотя бы час, Никита Васильевич. Не меньше.

– Хорошо. Располагаемся тут на час. Как лошади отдохнут продолжим путь. Накормить, помыть, сделайте все что нужно. Я договорюсь с хозяином об оплате.

Возница кивнул и скрылся в воротах двора, куда ушел вслед за смотрителем.

– Как думаешь, мы успеем если придется ехать так до самой столицы? – спросил я Настю.

– Не уверена, – с сомнением произнесла девушка.

– Вот и я не уверен. Нужно было выезжать сегодня утром, тогда бы не пересеклись с твоим отцом и ехали бы спокойно.

– А когда вы с ним пересекались? – удивилась Настя.

Я рассказал ей, что случилось на выезде из Суздаля.

– Вот зачем ты это сделал?! Зачем нарывался?!

– Я не нарывался, – спокойно произнес я.

Устраивать сейчас истерики не лучший вариант.

– Не думаю, кстати, что мы бы ехали спокойно. Отец наверняка знал, что ты тоже поедешь в столицу и мог устроить эти козни в любом случае, – сказала Настя, чуть успокоившись. – Но вот то, что ты похвалился мной перед ним, это его явно взбесило. Эх, мальчишки!

Настя сказала это так по-взрослому, отчего сразу напомнила манеру говорить Анфисы Петровны. Вот только та могла называть нас так, а Насте это как-то не шло.

Вернулся станционный смотритель, а за ним и наш кучер.

– Пройдете в дом, пока лошади отдыхают, Никита Васильевич? – спросил возница.

Смотритель закивал, словно это он нас пригласил.

– Хорошо. Вещи можно оставить в карете? Не помешают?

– Конечно, оставляйте! – воскликнул кучер, я всегда буду рядом.

Мы прошли вслед за смотрителем в здание станции. Тут царило какое-то запустение. Большой зал с несколькими столами и скамейки вдоль стены. Было видно, что тут редко оставались надолго. Это и понятно. Рядом Суздаль. На таком расстоянии от города мало кто будет надолго задерживаться на станции.

Смотритель подошел и спросил:

– Желаете что-то перекусить или выпить?

– Чаю и булочек, – не раздумывая сказала Настя.

– И отнесите то же самое вознице, пусть перекусит, – распорядился я.

Смотритель исчез в соседней комнате, и я услышал, как он там гремит посудой.

Потянуло ароматом горящих в печи поленьев. Я втянул этот запах и улыбнулся. Знакомо, очень знакомо.

Смотритель вернулся с чайником чая, чашками на блюдах и горой пышных булочек. Поставил все это перед нами и откланялся.

Я взял замысловато свитую выпечку и понюхал. Разломил и вдохнул аромат сдобы. Булочка оказалась горячее, но явно не только что испеченной. Видимо, смотритель разогрел ее в печи, пока грелась вода на чай. Но меня это устроило.

Сладкий чай со сдобной булочкой. Что может быть лучше в ранний предрассветный час? Я засекал время, когда мы выехали из Красиловы. К этому моменту прошло уже шесть часов. Очень медленный старт мы взяли.

По моим представлениям мы проехали не более двадцати-пяти километров. Примерно на таком расстоянии находился первый почтовый стан от Суздаля.

Как пролетел час, я даже не заметил. Мы с Настей сидели за столом тихо переговариваясь. Она мне рассказывала истории своих приключений после побега из дома. Я слушал вполуха, занятый размышлениями о том, как нам успеть попасть в Москву вовремя.

Если Корсаков забрал с этой станции всех лошадей, то где гарантия, что на следующей нас не будет ожидать то же самое? Это, наверное, дорого, но не думаю, что, начав такое, он остановится на полпути.

К нам подошел смотритель и сказал, что наш экипаж готов продолжить путь.

Назвал сумму, которую мы ему должны и вежливо отошел на несколько шагов, позволив достать деньги.

Я вдруг подумал, что у меня нет мелочи. Я просил старосту выдать мне из хранилища десять рублей серебром. А сейчас требовалось оплатить три копейки. Кляня себя за непредусмотрительность, я полез в кошелек и обнаружил там кучу медных монеток, помимо серебра.

Роман Дмитриевич был предусмотрительней меня. Хотя что уж там. Мне вообще было неприятно иметь при себе тяжелый кошелек с монетами. Пластиковые карты отучили меня от необходимости заботиться о наличности в кармане.

Рассчитавшись со смотрителем, мы вышли во двор. Экипаж уже нас ждал.

Я подошел к кучеру, решив переговорить с ним о потенциальном отсутствии подменных лошадей на всем пути следования.

– Нам будет очень сложно, – задумчиво произнес возница. – Лошади выдержат, но отдыхать нужно будет больше. Лучше бы нам сменить их хотя бы два раза. Можно поехать другим путем. Через Старый Двор. Там дорога хуже и чуть дальше. Вернемся на тракт в районе Ставро. Не мог же он забрать всех лошадей на всех станциях в округе?

– А дальше? – спросил я.

– Дальше до Покрова. Там сменим лошадей. В Покрове станция большая. Два десятка лошадей держат. Даже если всех заберет, пока мы доедем, подыщут и приведут новых. Мы через Старый Двор во времени часа четыре потеряем.

Это была отличная идея. Вряд ли Корсаков заберет всех лошадей в округе. Что он с табуном до Москвы поедет? И опять же небольшой лаг нам только в помощь. Он не будет в курсе, что мы идем с опозданием, а на станциях за это время подберут новых подменных животных.

Я поблагодарил кучера за идею и дал распоряжение ехать этой дорогой.

Как только мы свернули с тракта, дорога резко ухудшилась. Нас с Настей начало то и дело болтать из стороны в сторону, подбрасывать на выбоинах. Девушка сильнее вжалась в меня, а я старался придерживать ее, страхуя от ударов.

Через какое-то время мы приспособились и стало легче. При такой дороге, конечно, не поспишь, но зато был шанс нормально проехать финальные две трети пути.

Вся дорога до Старого Двора прошла в осмотре местных лесов и полей. Как только рассветло, я открыл шторы на окнах и стал наслаждаться природой средней полосы России. Настя, кажется, тоже смотрела в окно, думая о чем-то своем.

День выдался ветренный. Быстро бегущие по небу облака то и дело закрывали солнце своими серыми боками, давая ощущения близкой осени. Дождик временами начинал накрапывать, но так и не нашел в себе смелости разойтись по-настоящему.

Настя завозила рядом, принялась что-то искать под сиденьем. Достала сумку с едой и вытащил оттуда две булочки, прихваченные на станции. Протянула одну мне, от второй откусила большой кусок. Снова наклонилась над сумкой и вытащила два здоровенных желтых яблока. Отерла их о штаны и протянула одно мне. Я с благодарностью принял еду и принялся молча жевать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.